

№5

Май 2023

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

თბილისის ა.ს. გრიბოედოვის სახელობის
სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი

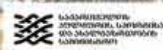
ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. А.С. ГРИБОЕДОВА

НЕ ГОРЮЙ!

Данелиада в двух действиях

არ დაიბრუნო!
დანელიადა ორ მოქმედებად

დამდგმელი რეჟისორი – ავთანდილ ვარსიმაშვილი
Режиссер-постановщик – АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
დამდგმელი მხატვარი – ჯეირან ფაჩუაშვილი
Художник-постановщик – ДЖЕЙРАН ПАЧУАШВИЛИ

www.griboedovtheatre.ge

12, 17, 18 мая в Театре им. А.С. Грибоедова пройдут премьерные показы спектакля «НЕ ГОРЮЙ! Данелиада в двух действиях».
Добро пожаловать!

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5 (211)
Май 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 12 МУЖЕСТВО НА БЕРЕГАХ ДУНАЯ
БОРИС ШАХНАЗАРОВ
- 14 ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАЛИКО ХВИНГИАДЗЕ
РЕЗО ЧЕИШВИЛИ
ПЕРЕВОД КАМИЛЛЫ МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 19 СОКРОВИЩЕ НАЦИИ
- 20 «ТБИЛИСИ, ВО МНЕ ТВОЯ КРОВЬ...»
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 24 КАЛЕЙДОСКОП БРИКМАНА
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 28 ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
АНДРЕЙ МАРУДЕНКО
- 32 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 36 ИЛЬЯЗД & ПИКАССО. ИЗДАТЕЛЬ И ХУДОЖНИК
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 39 «ЧУДАЧЕСТВА НА МИГ» И «ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 44 ДОРОЖЕ ВСЕХ БРИЛЛИАНТОВ
СВЕТЛАНА СИНАТАШВИЛИ
- 47 «ВО МНЕ ТЕЧЕТ И ГРУЗИНСКАЯ КРОВЬ»
НИНА ШАДУРИ
- 52 ВЕРНЫЙ ДРУГ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ
СИМОН ЧИКОВАНИ
ПЕРЕВОД Г. ДАРАХВЕЛИДЗЕ

На обложке – Мемориал героям-морьякам в г. Поти

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ОДНОЙ СТРОКОЙ

– Восьмидесятый юбилей справляет друг Владимира Высоцкого, знаменитый российский и французский художник и скульптор Михаил Шемякин. Он родился 4 мая 1943. Наши поздравления!

– Девяносто лет назад 12 мая 1933 года родился выдающийся советский поэт Андрей Вознесенский, один из легендарных певцов Оттепели.

– В середине мая 1553 года родилась знаменитая королева Марго, известная красавица своего времени, дочь коварной Екатерины Медичи и первая жена Генриха IV. В ее жизни было неудачное замужество, кровавая Варфоломеевская ночь, заключение в замках, множество любовных приключений. Пережила всех врагов и друзей.

– Седьмого мая исполняется сто двадцать лет со дня рождения великолепного поэта трудной судьбы Николая Заболоцкого. В начале своего творческого пути был близок к группе ОБЭРИУТОВ, потому и провел в лагерях немало лет. Последние годы жизни провел в Тарусе.

«ПОГНАЛСЯ ЗА ТРЕМЯ ЗАЙЦАМИ»

Так наш герой сам себя упрекал, ибо был человеком чувствительным и сомневающимся, как всякий творческий индивидуум, а по своей природе – совестливым, душевным и благородным. И считался великим музыкантом первой половины XX века. Своими «тремя зайцами» он называл занятия композиторством, исполнительством на фортепиано и дирижерским искусством. И это было совсем несправедливо, ведь как композитор он повсеместно признан бесспорным гением с самых первых шагов на этом поприще. Да и пианистом был великолепным, умным, высокотехничным и от природы наделенным всеми необходимыми свойствами. Представьте, кисть его руки была так велика, что он мог спокойно брать аккорд на две октавы. Из известных мастеров игры на фортепиано такими руками обладали только двое – великий Ференц Лист и известный американский пианист XX века Ван Клайберн. Вот разве что дирижером наш герой хоть и был выдающимся, но входящим всего лишь в двадцатку самых знаменитых. А в остальном, это незауряднейший гений. Мы говорим о Сергее Васильевиче Рахманинове – великом русском композиторе, родившемся весной 1873 года в старинной дворянской усадьбе в Новгородской губернии. Происходил он из не очень богатого, но древнего и уважаемого рода, предком которых был, по семейному преданию, молдавский Господарь Стефан Великий. Дед Сергея Васильевича был учеником знаменитого Джона Фильда, отец – приличным пианистом-любителем. А сам наш герой с детства проявил такие выдающиеся музыкальные способности, что выбор профессии оказался очевидным. После недолгого обучения в столице, Сергей поступил в Московскую консерваторию, которую с успехом закончил. Обладая приятным характером, Рахманинов сумел сблизиться со

многими коллегами по пианизму, а как молодого композитора его представили самому П.И. Чайковскому. 24-летнего Рахманинова знаменитый меценат Савва Мамонтов пригласил в свою частную оперу дирижером, где он сразу стал популярным и известным. Но вот как композитора его воспринимали далеко не все современники. Даже сам Римский-Корсаков однажды его довольно жестко покритиковал, что вызвало у молодого и чувствительного гения долгий душевный кризис. Сергей Васильевич в своей жизни часто был подвержен депрессиям. После революции, оставив в России все свое имущество, Рахманинов уехал сначала в Европу, а затем в Америку. И там его накрыла такая волна отчаяния и тоски по родине, что он на долгие десять лет перестал сочинять. Но Сергей Васильевич стал выступать как пианист, сумел наладить свою жизнь и даже расплатиться с долгами. И все стало вполне прилично и достойно, но в общении он тянулся все больше к своим соотечественникам, частенько помогая им материально. Как, например, помог своему другу – выдающемуся конструктору, создателю вертолетов Игорю Сикорскому. Он даже считался почетным вице-президентом его авиакомпании, что очень веселило и самого Сергея Васильевича, и его друзей. Он был очень сердечным человеком – когда умер его добрый приятель и отчасти соперник за симпатии публики Александр Скрябин, Рахманинов дал исполнительские концерты из его произведений в пользу семьи. А во время войны не раз, иногда анонимно, перечислял средства от своих гастролей в фонд сражающейся России. Близкий друг с самой его юности Александр Гедике вспоминал: «Рахманинов был человеком правдивым и скромным, очень аккуратным и точным, поддерживал идеальный порядок в своем кабинете, никогда не опаздывал и в других ценил эти качества». И эта высочайшая требовательность к себе позволила Рахманинову создать целый свод великолепных произведений, вошедших в мировую классику, быть великим пианистом и незаурядным дирижером. А еще говорят, что за «тремя зайцами не угнаться».

ОЧАРОВАННЫЙ ЗЛОМ

С общепринятой точки зрения этот человек был ужасным в своих мыслях и поступках, а иногда – настоящим чудовищем. Ужасным во всем, кроме своего гения. Судите сами – невысокий коротышка, обидчивый и вздорный, злой и завистливый, предававший женщин, друзей и покровителей, никогда не плативший долгов, страдающий запредельной манией величия, и ко всему прочему – жуткий антисемит. Но он был наделен редкой гениальностью, самой чистой, высочайшей пробы. И совершил настолько невероятные реформы в музыке, особенно в оперном искусстве, что мало кого так часто вспоминают в качестве новатора и первооткрывателя. И, перечисляя великую трицу музыкальных гениев – Баха, Моцарта и Бетховена, четвертым подчас называют именно этого музыканта. Его музыкальное мышление и неудержимая фантазия почти не знают соперников. Но, увы... Гений и злодейство подчас бывают совместны, хотя откровенных злодейств он не совершал, никого не убил и не искалечил. Но недобрый огонь всю жизнь опалял его душу. Говорят, ученые обратили внимание на негативное влияние его музыки на живых существ. Под его оперы вянут цветы и плохо доятся коровы, а люди часто становятся нервными и впадают в депрессию. Даже в наше время его или ненавидят и проклинают, или боготворят. И все, конечно, помнят, что это был любимейший композитор самого страшного тирана XX века. А в государстве Израиль исполнение его произведений было под негласным запретом многие десятилетия.

Двадцать второго мая 1813 года родился великий и ужасный Рихард Вагнер, автор многих гениальных опер и другой прекрасной музыки.

АВТОР «GOD BLESS AMERICA»

Он был пятым ребенком, родившимся в заштатном белорусском городишке Толочине в семье кантора городской синагоги Моисея Балина, и при рождении получил имя Израиль. Это случилось 11 мая 1888 года, а через пять лет был погром, и

их дом сгорел. Семья перебралась в Америку. И вот там Иза со временем стал Ирвингом Берлином, гордостью новой родины. При том, что образования у него было два класса, нот он практически до старости не знал, научился играть на пианино только в 45 лет. Причем предпочитал пользоваться только черными клавишами, для него даже специально сконструировали рояль, позволяющий переводить мелодии в другую тональность. Но с юности у него был чудесный голос, и он стал зарабатывать с 13 лет, исполняя песенки в ресторанах. А потом сам начал их сочинять. Когда радио было в новинку, и его слушали все повсеместно, песенки Ирвинга быстро полюбили слушателям, и он стал неплохо зарабатывать. Многие певцы и певицы мечтали заполучить новинки Берлина. А однажды был случай, когда юная красавица по имени Дороти ворвалась в его кабинет, умоляя отдать ей новую песню. И в тот же момент другая барышня появилась с той же просьбой, но Дороти, как первая в очереди, устроила потасовку с катанием по полу, царапаньем и вырыванием волос. Какое-то время Ирвинг с любопытством взирал на драку, а после принял поистине соломоново решение – песню он отдал второй девушке, а на Дороти... женился. Правда, к великой грусти, эта его первая жена умерла от тифа. Второй брак у него тоже случился с приключениями. В него – маленького, носатого и не очень красивого еврея – влюбилась длинноногая блондинка, дочь миллионера. Ее родители были в бешенстве и увезли непокорную подальше от соблазна. Но Ирвинг догнал их в Париже, похитил невесту и тайно женился на ней. Девушку лишили наследства, но молодым было все равно. Вскоре родилась дочка, и папе пришлось еще больше работать. Итого, за свою карьеру Берлин написал свыше тысячи песен, из которых 450 стали шлягерами, а 35 – легендарными. Самую знаменитую свою песню «God Bless America» Ирвинг сочинил еще в 1918 году, но вспомнил о ней только лет через двадцать, перед самой войной. Она стала неофициальным гимном США, ее пели всегда и везде. Представляете, какие отчисления получал бы Берлин за ее исполнение? Так нет, он отказался от прав на песню, сказав, что на патриотизме зарабатывать нельзя. Он умер в 101 год во сне, смертью праведника...

КРАСОТА И КРАСИВОСТЬ

Ван Гог писал бедных людей, которые в жуткой лачуге поедали картофеля, Фернан Леже – фигуры рабочих-верхолазов, русские передвижники – крестьян, идущих за плугом. Были и салонные живописцы, избравшие нарядных и богатых персонажей в прекрасных интерьерах, в ложах театров, на балах – но их время быстро уходило, такие творения украшали фамильные замки, а особо талантливые работы выставлялись в музеях. Но случались салонные художники и посреди революционных веяний первой половины прошлого века в Париже, где творили Матисс, Пикассо, Модильяни, создававшие новые способы отображения жизни. Появились фовизм, кубизм и еще немало «измов». И вдруг посреди этого пестрого вихря возникла очень непохожая на всех художница. И даже охарактеризовать ее творчество не получается – «мажор» творит для «мажоров». То есть, она исповедовала искусство для таких сытых, коим голод знаком только между завтраком и обедом, а настоящая беда – это если бриллианты у них мельче, чем у соперницы. Художницу, рисовавшую блестящих дам и джентльменов, звали Тамара де Лемпицка. По-настоящему ее звали Тамарой Гурник-Горской. Она родилась в Варшаве 16 мая 1898 года. Это была настолько состоятельная барышня, что к ней стояла целая очередь желающих осчастливить ее в браке. Капризная дева выбрала бедного, но красивого адвоката. С ним она и убежала от вихрей революций в Париж, где и развелась со своим красавцем. Продав часть драгоценностей, она безбедно жила и занималась рисованием, сумев соединить искусство портрета с декоративно-кубистскими мотивами. Получалось вычурно, но – очень ярко и весьма чувственно. Ее звонкий псевдоним Де Лемпицка стал очень известным среди элиты, и многие богатеи желали заполучить свои портреты в столь оригинальной манере. От фашизма она скрылась в Америке. А потом интерес к ней пропал. Но это ее не смутило, она так и прожила жизнь, не испытывая голода дольше, чем «между завтраком и обедом». Закончила свою жизнь Тамара в Мексике, а пепел завещала развеять над вулканом Попокатепетель.

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

■ **Владимир ГОЛОВИН**

И вновь правит бал самый яркий весенний месяц – май... Мы с благодарностью, гордостью и скорбью помним, что именно «майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои» самой страшной войны в истории человечества. Войны, на которую Грузия с 3,5-миллионным населением отправила 700 тысяч человек – каждого пятого своего жителя! Из них не вернулось больше половины... И вновь в мае свежие букеты и венки ложатся рядом с цветами, уже лежащими у мемориалов, которые поднялись по всей Грузии в честь ее сынов и дочерей, спасших мир от коричневой чумы нацизма.

Самый крупный такой мемориал – в тбилисском парке Ваке. Его комплекс был создан в 1981 году, над монументальной лестницей с каскадом фонтанов установлена 28-метровая статуя Победы, ниже ее, на площадке – Могила Неизвестного солдата. Авторы мемориала Славы – архитекторы В. Алекси-Месхишвили, К. Нахуцришвили, скульптор Г. Очаури. В советское время парк получил название Победы и по сей день остается символом празднования 9 мая в Грузии. Именно там до сих пор проводятся торжественные мероприятия, члены правительства возлагают венки, собираются ветераны... Хотя теперь это место и называется по-старому – просто Парк Ваке.

До 2008 года вокруг камен-

ной плиты, на которой лежал Неизвестный солдат, сидели на больших камнях 8 огромных фигур средневековых воинов, изувеченных в боях. Солдат теперь лежит на пьедестале, а фигуры перенесли за 77 километров от Тбилиси, в один из старейших городов страны Гори. На холме в центре его – крепость Горисцихе, основанная царем Давидом IV Агмашенебели (Строителем) в XI-XII веках. У подножия холма, на котором она расположена, и сидят сегодня эти восемь воинов. Теперь они – Мемориал древним защитникам крепости Горисцихе.

А в грузинской столице есть еще пара мест, непосредственно связанных с Великой Отечественной войной. Это – два старейших кладбища, которые приняли бойцов, скончавшихся от ран в госпиталях Грузии в 1941-1945 годах. Одно из них – Кукийское, на склоне горы Махата, с мемориалом, созданным архитекторами В. Джорбенадзе и Д. Кенчовили, скульпторами А. Ратиани и В. Чумбуридзе.

Там 1607 могил солдат и офицеров, которым посвящены два мемориала. У обелиска Воинской славы проходят тор-

Мемориал в парке Ваке

Статуя Победы в парке Ваке

жественные мероприятия, связанные с празднованием Дня Победы. Второй мемориальный центр – самоходная артиллерийская установка СУ-85, прославившаяся с 1943 года как «истребитель танков». У нее необычная и трогательная история. И знать ее должны все жители и гости города, в котором эту боевую машину назвали «Танк на Кукия».

С 1945 года самоходка стояла у центрального входа в старую часть кладбища, на могиле молодого майора-танкиста Шота Гогоришвили. Он погиб под Варшавой в августе 1944-го и был погребен в Бресте. Почти через год его останки перевезли на родину в Тбилиси, но

Фигуры средневековых воинов, стоявшие в парке Ваке

Могила Неизвестного солдата в парке Ваке

имя так и осталось на обелиске брестского захоронения. А в городе Кременчуге этот 22-летний грузин запечатлен в Памятнике Воину-освободителю в Октябрьском сквере – именно он поднял в этом городе флаг в знак того, что Кременчуг освобожден его батальоном.

Он был представлен к званию Героя Советского Союза, но вместо золотой звезды получил второй орден Боевого Красного Знамени. Награжден и орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени. Был тяжело ранен, перенес 4 операции, и в 1944-м его отправили в Ленинград, на учебу в военную академию. Но Шота отпросился на несколько дней, чтобы съездить в свою часть, попрощаться с боевыми товарищами. Родители ждали его письма из Ленинграда, а оно пришло... из Бреста: «Скоро наши части выйдут к польской границе. От Бреста до Варшавы – рукой подать, а там и Берлин. Я должен выполнить

свой долг до конца»...

И еще один документ. Это – телеграмма: «Штаб бронетанковых и механизированных войск Красной армии. Заместителю народного комиссара путей сообщения тов. Арутюнову. Прошу вашего распоряжения о предоставлении одной большегрузной платформы на 5.09.45 г. для перевозки танка Т-34 погибшего героя гвардии майора Шоты Гогоришвили. Отправитель – начальник гарнизона Бреста. Ответственный за погрузку – старший лейтенант Азатьян. Станция назначения – Тбилиси. Гвардии генерал-майор танковых войск П. Марков».

Однако «тридцатьчетверка» Гогоришвили не вернулась из боя и вместо нее в Тбилиси отправили самоходку. В 1990-х годах она переместилась с постаментов у входа к остальным воинским могилам. И, как утверждают работники кладбища, добралась на новое место своим ходом...

Эти же фигуры в Горисцихе

Мемориал на Кукийском кладбище в Тбилиси

Шота Гогоршвили

Самоходка СУ-85 на Кукийском кладбище

нения солдат и офицеров, погибших еще на Первой мировой войне.

В двух других крупнейших городах Грузии величественные мемориалы исчезли после середины 2000-х годов. Но в Кутаиси остался Мемориал павших воинов на городском кладбище Сапичхия. А в Батуми, куда из 12258 человек, ушедших на фронт, не вернулись 4728, памяти погибших посвящена часть кладбища на горе Периа с обелиском. На этом братском кладбище покоится до 200 красноармейцев – представителей разных национальностей.

Теперь вернемся в Гори. Как там увековечена память о почти пяти тысячах жителей этого города, погибших в 1941-1945 годах, можно увидеть в двух местах. Первое – монумент «Победа» у

подножия средневековой крепости, созданный скульптором Э. Амашукели и архитектором В. Давитая. Это – юноша с мечом, увитым виноградной лозой, сидящий на льве. Второе памятное место – мемориал у Музея боевой славы, где экспонаты пополнились и теми, что отражают все войны XX–XXI веков, в которых участвовала Грузия.

Создатели горийского монумента «Победа» удостоены в 1982 году Государственной премии СССР – за эту работу и за Мемориал героям-морьякам в городе Потти, который во время войны стал одной из баз Черноморского флота. А на фронт ушли 9000 потийцев, 2500 из них погибли. В мемориале стремительная динамика волн и величавый покой скульптуры символизируют торжество жизни, победу человека над мощью стихии. А еще Э. Амашукели и

Еще одно старинное тбилисское кладбище, на котором есть воинские захоронения – Петропавловское. Оно расположено на возвышенности Элия в квартале Авлабара и спускается к улице Джорджа Буша. Там покоится 1451 боец Великой Отечественной. А рядом с этими могилами сохранились захоро-

Петропавловское кладбище в Тбилиси

Могила воинов на Петропавловском кладбище

Мемориал на кладбище Сапичхия в Кутаиси

В. Давитая создали в Зестафони памятник павшим героям «Раненый орел» по мотивам стихотворения Важа Пшавела.

Три замечательных мемориала можно увидеть в регионе Кахети. Самый популярный из них – на правом берегу Алазанской долины, в 122 км от Тбилиси, на холме над городом Гурджаани. От четырех башен, символизирующих четыре года войны, лестницы поднимаются к площадкам со стенами Вечности и Памяти. Вокруг Вечного огня между барельефами высечены в камне имена погибших уроженцев сел района.

А венчается комплекс, украшенный и фонтанами в национальном стиле, 15-метровой фи-

Монумент Победы в Гори

гурой героя знаменитого фильма «Отец солдата» Георгия Махарашвили, в исполнении великого актера Серго Закариадзе, пожилого кахетинского крестьянина, отправившегося на войну вслед за своим сыном. В руках у него – планшет, комбинезон и шлем погибшего сына-танкиста. Комплекс так и называется – «Отец солдата». Создали его скульптор М. Бердзенишвили, архитекторы Г. Джапаридзе и И. Мосулишвили.

Мемориал «Слава», созданный архитектором Т. Ахметелашвили на террасе центрального парка городка Сигнахи, необычен тем, что это – рельефное керамическое панно, укрепленное на опорной стене. На мемори-

Мемориал на горе Периа в Батуми

альных плитах работы керамиста Г. Устиашвили изображены архитектура города и сигнахцы, уходящие на фронт, здесь же – имена всех погибших жителей городка, в котором перед войной жило всего около 5000 человек.

Село Патардзеули в Сагареджойском районе впечатляет мемориалом «Обитель героев», который по проекту архитектора С. Ревишвили и скульптора Б. Чиквинидзе построили в 1975 году односельчане погибших на войне. Здесь, над тумбами с именами павших, стоит необычная звонница – кряжистые стволы деревьев, к которым прикреплены колокола, звонящие при порывах ветра.

В том же 1975-м, к 30-летию Победы над германским нацизмом, на выезде из города Мар-

Мемориал у музея в Гори

Мемориал героям-морякам в Потти

«Раненый орел». Памятник павшим героям. Зестафони

неули в 30 километрах к югу от Тбилиси поднялся монумент под названием «И они вырастут». Это – фигура женщины, перед которой стоят двое малышей-крепких, держащих большой меч. Именно им предстоит продолжить борьбу с врагами, начатую старшими поколениями. Авторы монумента – скульптор М. Бердзенишвили и архитектор Г. Баградзе в 1976 году получили за него Государственную премию СССР.

А в селе Джвари Цаленджикского района небольшой мемориал посвящен конкретному человеку, который стал символом победного мая 1945-го. В 1994 году здесь, у школы, которую он закончил, был перезахоронен уроженец села, скончавший-

ся в Москве Герой Советского Союза Мелитон Кантария. Тот самый, что вместе с однополчанином Михаилом Егоровым водрузил Знамя Победы над поверженным рейхстагом. На его могиле, рядом с памятником Неизвестному солдату, на 70-летие Победы торжественно открыли бюст героя.

Гипсовый эскиз был создан в 1990-х годах скульптором Р.

Шерозия, с которым дружил Кантария. Но автор так и не увидел свою работу в бронзе – он скончался в 1999 году, дело закончили его коллеги. А ветераны войны участвовали в сборе суммы, необходимой для установки бюста. По инициативе Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», при поддержке Благотворительного фонда «Карту» и

Мемориал в Сигнахи

Мемориал в Патардзеули

«Отец солдата» в Гурджаани

«И они вырастут». Марнеули

при содействии администрации Цаленджихского района многое сделано для ухода за этим уникальным сельским мемориалом.

Они стоят по всей Грузии – подобные скромные мемориалы и величественные скульптуры, обелиски с военной символикой и просто стены с мраморными досками, на которых – имена павших. Окинем их одним взглядом – в своеобразной мозаике изображений. Конечно, это далеко не все, что посвящено в Гру-

Могила М. Кантария в с. Джвари

Хелвачаури

Степанцминда

зии славе погибших и гордости победителей. Да и невозможно показать все в одной журнальной публикации. Главное – чтобы сложилось общее впечатление о том, как хранит страна память о тех грозных годах, о людях, борющихся со злом.

И так же часто встретится нам образ Неизвестного сол-

Село Супса Ланчхутского района

дата. Символ невосполнимых потерь, братских погребений, безымянных могил тех, кто защищал родную Грузию и на просторах Европы. Воин, навсегда вознесенный на постамент...

Это о нем – слова поэта Константина Ваншенкина из некогда популярной песни:

Поселок Вардисубани Казбегского района

*И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.*

*...К долинам, покоем объатым,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девушкам,
Они ему дарят цветы.*

Памятник Неизвестному солдату в Мартвили

Переправа танков через реку Дунай. Декабрь 1944 года

МУЖЕСТВО НА БЕРЕГАХ ДУНАЯ

■ Борис ШАХНАЗАРОВ

Перед решительным броском через Дунай командир стрелковой роты 311-го гвардейского стрелкового полка 2-го Украинского фронта Георгий Папуашвили предупредил воинов: «Ребята, перед нами стоит очень трудная задача – переправиться через реку в том самом месте, где ее ширина достигает до семисот метров».

Бойцы слушали опытного командира, с которым не раз смотрели смерти в лицо, понимая: он заранее продумал весь маневр, уже связаны плоты, подготовлены лодки. Ну, а результат боя будет зависеть от того, как станут действовать они – все вместе и каждый в отдельности.

Вскоре рота приступила к форсированию Дуная. Впереди

был правый берег – высокий, крутой, создававший неудобства для наступающих. К тому же бойцы столкнулись с дополнительными трудностями: быстрое течение реки сносило лодки, приходилось налегать на весла, напрягая все силы, чтобы продолжать переправу в назначенном пункте и завершить в назначенное время – под покровом ночи.

Первые метры переправы, показавшиеся самыми трудными, остались позади. Благополучно преодолели и середину реки. Но когда до берега оставалось метров двести, фашисты обнаружили десантников. И тут же десятки взметнувшихся ввысь вражеских ракет осветили темное небо. Застрочили пулеметы, тяжело ухали пушки

Георгий Папуашвили

противника. Огонь гитлеровцев становился сильнее, они прилагали все усилия, чтобы не допустить высадки десанта. Но форсирование Дуная продол-

жалось, десантники сокращали расстояние до берега.

Когда до цели оставалось около тридцати метров, недалеко от головной лодки, в которой находился командир роты, разорвался снаряд. Получив пробоины, лодка стала тонуть. И тогда, подняв автомат над головой, Папуашвили бросился в холодную воду и повлек воинов за собой. Свинцовый град обрушился на бойцов. Несмотря на это, смельчаки упорно продвигались к прибрежной полосе. Ценой огромных усилий рота Папуашвили первой в полку форсировала Дунай и овладела береговым плацдармом.

Наступила короткая передышка. Однако опытный фронтовик Папуашвили знал – враг не успокоится, а предпримет контратаку, чтобы вернуть утраченные позиции. Так и случилось. Через некоторое время гитлеровцы ринулись в атаку. Но она захлебнулась в дружном огне пулеметов гвардейцев. Собрав все силы, они бросились на противника, захватили вражеские окопы и вместе с другими подразделениями полка расширили плацдарм, завершив форсирование реки полной победой.

В рукопашном бою с противником близ венгерского села Эрчи на правом берегу Дуная Георгий Папуашвили, кавалер ордена Ленина, двух орденов Красной Звезды, медали «За отвагу» и других боевых наград, пал смертью храбрых 4 декабря 1944 года. А в марте 1945-го ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза посмертно.

В 1978 году мы – группа туристов из Грузии, побывали в Венгрии. С балкона гостиницы «Европа» мы смотрели на пустынные улицы, по которым проносились редкие автомашины. Будапешт отдыхал, чтобы с новыми силами встретить утро завтрашнего дня. Здесь, в Эстергоме и в других городах Венгрии, тогда хорошо помнили имя гвардии лейтенанта Г. Папуашвили, который воевал на берегах Дуная во имя мира, не щадя ни сил своих, ни самой

Бюст Г. Папуашвили на родине героя, в селе Думацхови

жизни. Прах героя предан земле на кладбище в селе Эрчи, где грузинский воин совершил подвиг.

В Будапеште мы с волнением вошли на ухоженную территорию кладбища, где вечным сном спят советские солдаты. На гранитных плитах – имена и грузинских грузинских воинов, павших в боях за Будапешт: В. Майсурадзе, Г. Заалишвили, М. Насаридзе, Д. Кублашвили...

Молча стоял рядом с нами, низко склонив голову, убеленный сединой человек – Тихон Чикаберидзе, профсоюзный работник из города Ткибули. Ему было что вспомнить. С первых же дней Великой Отечественной войны он был на фронте, принимал активное участие в ожесточенных боях в Венгрии. Грудь бывшего воина украсили два ордена Красной Звезды,

медали «За отвагу», «За взятие Будапешта» и другие боевые награды.

С любой точки Будапешта виден монумент Освобождения, установленный на горе Геллерт. Центральную часть монумента скульптора Жигмонда Кишфалуди-Штробля составляет фигура женщины с пальмовой ветвью в руках – символ свободы. На постаменте – имена советских воинов, павших в боях за Будапешт.

На горе Геллерт мы увидели пожилого венгра, который пришел сюда с внуком...

Тогда, в 1978 году, надпись на постаменте гласила: «В память о советских героях-освободителях от благодарного венгерского народа. 1945»...

Резо Чейшвили

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАЛИКО ХВИНГИАДЗЕ

РАССКАЗ

Резо ЧЕИШВИЛИ

Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ

Продолжение

– ...Вошли мы, значит, уже в Прибалтику, мои дорогие господа. Стояли прекрасные дни осени, такие, что душа радуется... Одержали там победу, и отдыхаем. Но какой тут отдых – в ста шагах от нас сидит на большом дубе фашистский снайпер и палит. Палит, проклятый, но как! Пулю в пулю всаживает, говорю тебе, Варлам, бьет без промаха и без передышки! Много прекрасных парней уложил, много матерей заставил слезами обливаться, много жен вдовами сделал. Ребята рвутся, хотят заставить его замолчать, но как по-

дойти к дереву? Да и не видать этого паскуду в листве-то, чтоб хоть на прицел его взять. Стоим мы, только вздыхаем да кричим: – Я пойду! – Нет, я пойду! – Ну, словом, как всегда, я взялся за это дело. Мне говорят – не надо, Шалико, не берись за это, убьет он тебя. Да кто слушает! Я все же провел свое, нельзя? – А нужно! Все одолел и – пошел! Ну, конечно, взял с собой пилу, господа мои милые, выбрали мы подходящее время – мертвый час, когда снайпер после обеда отдыхает, немцы – народ пунктуальный, вы должны это знать, и направились к дубу. Запели «Мумли мухаса»* и давай пилить дерево. Туда-сюда, пила, туда-сюда. Дуб, ясное дело, рухнул наземь, а с ним и снайпер. Мы к нему бросились, связали его, дорогие мои господа, и сда-

ли его с рук на руки куда следовало. Оказалось, он известный снайпер. Кавалер четырех дубов. Оказывается, ордена ему вручали прямо на дубу. А иногда, наверно, он сам себе орден добавлял. Сказал бы откровенно – что это со мной приключилось, что со мной произошло, ведь кроме Шалико Хвингиадзе, Петровича, такое никто бы не придумал. Куда он делся, дайте мне с ним поговорить, дайте с этим человеком стакан вина выпить, чего вы от меня хотите. Если вы мне не верите, дорогие мои господа, спросите Джиджи Алпаидзе... Джиджи лучше меня все помнит. А ну, заполним бокалы, двинемся кое-как вперед, а то дело наше плохо. Да. На следующий день меня снова послали в разведку, и этого человека я больше не видал. Давайте-ка еще один тост выпьем, и я вам расскажу еще одну историю, если интересно. Пейте, пейте...

...И вот, значит, пошел я в разведку, милые вы мои господа. Иду, значит, я со своим отрядом к цели. Не поверите, но я заблудился, сбился с дороги. Ну, что делать было, заночевали мы в поле. Прошло время, рассвело, и из рассветного тумана и воды, из болота и дымки засверкало солнце.

– В Белоруссии они были, это там такие топи, болотистые места и озера бывают, – пояснил гостям Варлам.

– Да, верно, там я и был. Где я остановился?

– Солнце появилось.

– Ага, возшло это благословенное светило, озарило все окрест, и понял я, что как кол врезался в расположение неприятеля. Что скрывать – мы попали в плохое дело. Я-то что, черт со мной, подумал я, но ведь со мной люди, что с ними делать? Сами подумайте, в каком мы положении: с трех сторон немцы, впереди болото, непроходимая топь, трясина, ну точно по поговорке «Впереди вода, позади – оползень». И что я сотворил? Погодите, не спешите, все равно не догадаетесь! «Заходите в болото!» – приказываю. А что было делать-то? Зашли. Я за ними. Затонули мы по уши.

* Старинная походная песня «Мошкара напала на дуб», прим. пер.

Из болота только глаза и носы торчат. А в это самое время немецкие дивизии начали перемещаться. Идут туда-сюда. Дислокация, значит, решил я. Смотрю и считаю живую силу и технику, собираю данные. Они нас не видят. Думают, это лягушки и древесные рокеби. А что будут думать, из болота только носы виднеются, дышим через нос. Наконец, ночь настала, и мы выбрались оттуда. Но надо сказать, что у кого тогда был насморк, все утонули.

– Ну конечно, а что еще могло быть! – на Тамаза Кипиани напал кашель, прокашлявшись, он еле перевел дух и неохотно отщипнул листок от замаринованного пхали.

– Уважаемый Тамаз, скушайте что-нибудь!

– Да, да, батано Шалико, я ем, благодарю.

– Что вы называете едой? Вы меня с ума сведете! Когда я был в вашем возрасте, я в день съедал целого барана! Однажды, помню, уложили меня в госпиталь. Это долгая история, но я вам вкратце расскажу. Мне предстояла операция, и посадили меня на диету. Как я мог сидеть на диете, когда в день, я уже вам докладывал и еще раз скажу, я с целой коровой разделялся. Врачи боялись, как бы я ихний медперсонал не съел. Они обо мне уже знали. И поместили меня в отдельную палату. Потом я приютил одного генерала армии по фамилии Герасимов. Хороший мужчина был, хороший, гранатой его ранило. Да, и он, оказывается, так и сказал: уложите меня, говорит, вместе с Шалико, не надо мне ни лекарств, ни снадобьев, если кто и вылечит меня, так только он. Шалико Петрович. Так оно и было, пусть так все хорошее у вас исполнится. Я его со смеху уморил, царство ему небесное. Между прочим, была там одна хорошая женщина, урожденная Агладзе, пусть возрадуется ее воспитатель, как она обо мне заботилась. Намедни я ее в Цкал-тубо встретил. Берите, берите, побольше на тарелку переложите!

– Спасибо, ой, это мне очень много, батано Шалико!

– Вы сам батони! Угощайтесь батано Тамаз, на здоровье!

– Максим Горький идет! – неожиданно произнес Варлам.

– Кто-о?!

– Максим Горький.

Тамаз Кипиани покрутил головой – видно, перебрал вина, и начались слуховые галлюцинации, – подумал он.

– Ага, вот идет ткибульский народный... – повторил Варлам. – Почему-то раньше его так называли, и я по привычке так и называю его, – словно извиняясь, добавил он.

– Ну и славно, – резюмировал Тамаз.

– Если идет, почему до сих пор ни звука не слышно? – усомнился Автандил.

– Скоро услышите, – спокойно произнес старый железнодорожник, безошибочным слухом и чутьем угадывая ляг колес по рельсам и скрежет каких-то деталей состава.

Вскоре вынырнул из темноты электровоз. Его сигнал прозвучал как-то лениво в особой, снежной тишине. Хозяин поднялся с места, взял со стола кувшины, встряхнул, чтобы убедиться, что они пустые, и отправился в марани.

– А дядя Шалико все так же молодцом, – сказал Автандил.

– Точно, – подтвердил Тамаз.

– В последнее время он немножко сдал, – заметил Варлам, – он не всегда такой словоохотливый, иной раз слова из него не вытнешь. Дети покинули его. А им тоже что делать? Они работают, хорошо живут. Жена одного из них, я сказал уже вам, диссертацию защищает. Они говорят отцу: приезжай к нам, продай там все, дай нам нашу долю, а себе свою долю оставь. А он не соглашается. Конечно, не согласится. Одиночество его мучает. С вами ему приятно, радостно. Правда, в клуб на занятия хора ходит, хоть немного душу отводит. Ведь он много пережил, много видел, ты тоже это знаешь, Авто. Старые раны дают о себе знать. Бесследно ничего не проходит, – Варлам понизил голос, увидев, что хозяин уже вышел из марани. Шалико нагнулся, открыл дверцу печки, уложил разрубленные поленья на раскаленные уголья.

– Пришли, пришли, вот они, голубчики! – еще издали возгласил хозяин, неспешным грузным

шагом подошел к столу и поставил оба кувшина. – Вино такое искристое, убери сигарету, Авто, подальше, чтобы не взорвалось ненароком!

– О-хо-хо-хо! Благословен тот, кто выжимал это вино!

– Аминь, аминь!

– Кстати, насчет взрыва и поезда: мне вспомнилась одна историчка. Дело было в тысяча девятьсот пятидесятом году, в августе. Мне поручили, мне лично! Чтобы не соврать, ни больше, ни меньше – два эшелона бензина. Кроме тебя, Петрович, с этим никто не справится, – сказал мне командир дивизиона, – уважил, значит. Он-то в друзьях у меня был, но, скажу я вам, что такое уважение не то, что друг, а враг бы не придумал. На линии фронта, когда пули, как мухи, летают во время стрельбы, каково цистерны с бензином везти, а? Сами посудите, батано Тамаз. Что мне скрывать, каково было с этими полными до краев шестидесятитонными цистернами. Можете спросить у Джиджи, он расскажет. Стоим у линии фронта, как я вам уже докладывал, все кругом горит и такое творится, что называется, мать родного сына не признает. Командир полка нашего был старый офицер, служил еще в царской армии, хороший был мужчина, по фамилии...

– Некрасов!..

– Фодоров, – невозмутимо продолжил Шалико, – бывало, едва прозвучит сигнал воздушной тревоги, едва завиднеются в небе фашистские самолеты, а он уже кричит: «Петрович, зарывай!» Голос у этого Фодорова такой зычный был, птицу с дерева бы сбросил. А ну не зарой! Зароешь эти шестидесятитонные цистерны, добрый мой господин, а эти проклятые на позицию возвращаются, а Фодоров тотчас орет – «Петрович, отрывай!» Теперь вы понимаете в каком аду я находился?! Да чему ты смеешься, недоумок?!

– От сочувствия смеюсь, от сострадания, дядя Шалико, – еле-еле выговорил Автандил, от смеха чуть не согнувшись пополам.

Видя, что Автандил не таясь смеялся, а смеяться было нельзя, Тамаз не мог больше сдерживаться и хохотал до слез, за-

быв о хозяине.

– Никогда ничего подобного не слышал, никогда, это что же с тобой приключилось, дядя Шалико, – повторял Автандил, постепенно успокаиваясь.

– Этой истории подойдет песня, – сказал развеселившийся Тамаз.

– Что особенного я сказал? – удивлялся Шалико.

– А ну-ка, Варлам, давай песню! – ободряюще окликнул Автандил старого железнодорожника.

– Не позорьте меня перед этим человеком, – Варлам глянул на Тамаза. – Он в Тбилиси руководил ансамблем, в котором сто человек было, правда ведь, вы так мне сказали?

– Вы правы, батона, – подтвердил Тамаз. – Только если бы у меня там был такой певец, как вы, я бы не ушел оттуда. Прошу вас!

Варлам застенчиво улыбнулся, услышав похвалу, прокашлялся и запел вторым голосом. Тамаз дал первый и глянул на Автандила – вот, мол, как надо петь. Шалико Хвингиадзе поддержал их своим знаменитым хвингиановским басом и протяжная песня пролилась в дымоход и вместе с голубым дымом растворилась в снежном воздухе.

– Вы изволили сказать, что лечились в госпитале, если я не ослышался, то есть, вы были ранены? – осведомился Тамаз после исполнения песни.

– Вы спрашиваете, был ли я ранен? Раз или два, которое ранение вспомнить – не знаю, но я расскажу вам сейчас, как я спасся тогда от ран, не оказался искалеченным и одновременно остался в живых. Это поистине чудесная история. Я, если хотите, звука не издам, а вы спросите Джиджи Алпаидзе. Джиджи расскажет все намного лучше меня.

– Нет, нет, батона, зачем мы будем спрашивать Джиджи, вы прекрасно сами рассказываете!

– Добро, в таком случае разрешите мне провозгласить еще один тост, подвинемся немного вперед, не то ничего не получится! – Он провозгласил тост,

послушал сотрапезников, и прокашлявшись несколько раз, сказал: – Может, все же подождем Джиджи?

– Нет, батона, нет необходимости.

– Ну, коли так, лады! Где оно было, как оно было, так либо этак, а случилось это у подступов к Керчи. Война была тяжелая, жестокая. Для меня – обычная. Чего долго рассказывать! В один прекрасный день нас бомбили. Правда, особого ущерба не причинили, но бесследно, конечно, это не прошло. Воздушная тревога прекратилась, все вокруг вроде бы успокоилось. Представьте себе, дорогие мои господа, что в наступившей тишине я даже услышал стрекотание кузнечиков. Но тишина была все-таки злоеющей. И вдруг прилетает один запоздавший самолет и, не знаю почему, может, потому что я большой, крупный мужчина, или по какой другой причине, но они избрали объектом меня. Самолет сбросил мне на голову огромную бомбу. Если кто-то думает, что я вообще не видел бомбы, тогда кто ее видел, но ничего подобного я не видал ни раньше, ни потом. Когда тень этой громадины легла на землю, мне показалось, солнце потемнело. Я подумал, что она разорвалась рядом со мной и все осколки, по законам войны, обошли меня стороной. Взрывная волна подхватила меня с земли и на глазах у всей дивизии пронесла в воздухе, как пушинку. Я подумал, ну, конечно, все, я отправляюсь к Отцу Небесному. Однако, я не растерялся и закричал во всю мочь: если есть кто из Сапичхии, не поленитесь, пойдите к моему отцу, Петре, скажите – он был тогда жив, – пусть меня не ищет, я ушел туда, откуда обратно никто не возвращается. Присмотри, скажите ему, за моими детьми, мальчика ввремя жени, девочку отдай замуж, и когда ты сюда поднимешься, тут уж я сам знаю, как тебя почтить. Ничего больше я не успел поручить, потому как выбежал на поле какой-то молоденький солдат и кричит: я, говорит, с Балахвани, но рос наполовину на Сапичхии, что еще передать хочешь – скажи, я передам, говорит. Я-то

хотел еще что-то сказать, но рот у меня, как у рыбы, вправду водой был полон, а как глаза открыл, ой Боже, да вокруг вода, море! Я в тот же час сообразил, что нахожусь у водораздела Азовского и Черного морей. Вода там такая соленая, рака, не вода, это и вы хорошо знаете, мои пояснения вам не нужны. Взрывная волна швырнула меня на эту сторону. Еще хорошо, что я упал в море, а не наземь грохнулся, там и пресная вода не помогла бы. Между прочим, соленое море мне помогло. Я, наконец, пришел в себя, увидел рдеющий небосклон, рассветло. Выходило солнце. Огонь нашей артиллерии и лучи солнца расцветивали небеса. Наша артиллерия штурмовала Таманский полуостров. И вдруг, смотрю – наши катера приближаются ко мне. Я немедленно поднял руку головному катеру. Меня подняли на борт, и я невольно въехал с войском в Феодосию. «С корабля на бал» – так получилось у меня. Как кончился тот бой, вы и сами знаете, но я-то тоже пострадал. После этого у меня долгое время прыгала правая бровь. К кому только я не обращался, ничего не помогло. В конце концов жена крестного моего сына приложила мне какую-то траву, кажется, кошачью мяту, и прошло это. Но скажу вам, дорогие мои господа, что благое дело, как говорится в воде не тонет, это бесспорно. На другой день генерал Леселидзе подарил мне свою собственную саблю с надписью. Она наверху висит, на гвоздике, Варлам-то знает, и Авто тоже. Слушай, Авто, если меня любишь, сбегай наверх, принеси ее, пусть и Тамаз поглядит.

– Ох, в этот холод и темь человек палец к глазу поднести не может, – с неохотой поднимаясь со стула, пробурчал Автандил.

– В общем, я вам сказал, теперь воля ваша. Как и насчет Джиджи, его спросите, Джиджи Алпаидзе, он-то все знает, а о себе самом говорить мне все же не с руки, уважаемый Тамаз!

– Да-а, в Керчи тогда и вправду очень тяжелые дни стояли, – раздумчиво проговорил Варлам.

– Светопреставление было, – подхватил Шалико. – Однажды

*Известная грузинская пословица: «Рыба говорит: мне-то есть что сказать, да рот у меня воды полон», прим. пер.

случилось, бегу я по Азовскому морю, вижу, вы удивляетесь, но так было, что подделаешь, мне от вас утаивать нечего. Все равно, если я сам не скажу, кто-то другой скажет, да еще не так...

— Вообще-то это Азовское море в иных местах такое мелко-водное, что и на море не похоже, — заметил Варлам.

— Знает Варлам, знает, ему мне не объяснять, ему все известно... Да-а, бегу я, значит, по Азовскому морю, и вдруг, откуда не возьмись, кружит надо мной один мессершмитт противника, преследует меня, не отстаёт этот проклятый! Догонит, наставит на меня летчик свой пулемет, я тотчас нырну, скроюсь с его глаз, повернет, отлетит — я тут же вынырну, выпрямлюсь — он опять ко мне бросится, прицелится, выпустит пули, нырну я — он промахнется, вынырну — опять прицелится, я нырну — он отлетит... Так он меня преследовал до самого полудня и ничего не добился. Под конец летчик проговорил: это, видно, какой-то кутаисец, определенно на Риони выросший, — и оставил меня в покое.

— Этот летчик был немец? — не выдержал, задал вопрос Автандил.

— Да, только у него, кажется, мать была румынка, я по акценту догадался, — ответил Шалико.

— Я тоже был в Крыму, он верно говорит, Азовское море вправду удивительное: воды мало, идешь, идешь и не тонешь — вода тебя не покрывает.

— Джиджи зачем нам был нужен, Алпаидзе? — Шалико глянул на Варлама.

— Правильно, не нужен был, — икнув, подтвердил Кикнадзе.

— Варлам всегда правду говорит, милый мой господин Тамаз. Ну и вот, однажды было, застрял на мелководье крейсер, не помню, в каком районе, на какой параллели случилось, но случилось, что крейсер сел на мель. Заметно было, что не рассчитали, переборщили и, на тебе, пожалуйста, остались ни с чем. Все бросились туда-сюда, долго мучились, но было поздно. Раскачивали, тянули, трясли, но крейсер не шелухнулся. Не сдвинули с места, как ни старались. Смотрю я на эту

суматоху и душа болит, но не двигаюсь. Я был очень уставший после боя. И вдруг, откуда ни возьмись, подходит ко мне боцман и говорит: ты что тут растянулся, развалился, такая громадина, не стыдно тебе, видишь, в какой мы беде, как мы мучаемся, трава не расти, вроде тебе и дела нет, а? Я сказал ему: а ну, давайте все на сушу, отойдите от корабля, дайте мне к нему подойти, а дальше я сам знаю. И за службу вас прекать не стану. Добро, сказал боцман. А что еще ему было говорить, какой другой выход был у него. Матросы сошли на сушу, я подошел к крейсеру, поддел его легонько плечом, приподнял, поднажал, принатужился и — тихо-тихо, постепенно корабль сошел в воду. Что мне скрывать от вас, трудновато мне пришлось, даже очень нелегко. После того у меня случилось расширение плечевой мышцы, вот, Варлам, проведи рукой и увидишь, посмотри, посмотри!

— Да знаю я, знаю, не в первый же раз трогаю, — ответил Варлам.

— Ну-ка, наполним стаканы и еще одну историю вам расскажу. Ведь вот, главное-то я забыл! Варлам, а ну вздуй огонек в печке! Так вот, когда я с этим крейсером единоборствовал, оказывается — я и не знал! — с командного пункта смотрел на эту катавасию генерал армии танковых войск по фамилии...

— Некрасов.

— Рыбалко. Вызвал он меня. Гляжу я на тебя, — говорит, — и глазами своим не верю. Что ты за человек, Петрович, что ты такое сотворил, ты такой-сякой, я вот танк не могу поднять, а ты этот громадный корабль на воду спустил! Ты настоящий человек, богатырь! Честь тебе и слава! Встал он, взял свою собственную фуражку, компас свой и бинокль и подарил мне. Я их привез домой. Но недавно меня отправили в санаторий, в Кобулету, вы знаете. Поехал я. И почти в тот же день как прибыл, дорогие мои господа, пошел, к счастью или несчастью, на пляж. Разделся. Разложил на песке фуражку, компас и бинокль и, конечно, солнечные очки, как вдруг, откуда ни воз-

мись, налетела огромная волна и унесла фуражку, компас и бинокль и, что и говорить, солнечные очки тоже. Правильно говорится: морем принесенное море и заберет*. Особенно жаль мне было фуражку. Правда, на моей голове она не умещалась, но все-таки. Спросите Джиджи, Алпаидзе, если мне не верите.

— А где сейчас находится этот Джиджи, батона Шалико? — деликатно спросил Тамаз Кипиани.

— Умер он, бедняга. В сорок третьем году погиб.

На Тамаза Кипиани снова напало чиханье. Автандил снова постучал его рукой по спине.

— Здоровье, сила, сахар! — пожелал хозяин. *(Когда при упоминании умершего кто-нибудь чихает, ему таким образом как бы говорят — чур тебя, и приговаривают: будь здоров, силен, радости тебе и сладости — прим. пер.).*

— Пусть до прихода Джиджи у тебя ничего не заболит! — тихонько добавил Автандил.

— Мы с ним вместе привыкли шутить, он на меня никогда не обидится, я знаю... Эх, какой был парень, сильный, благородный... — Шалико пригорюнился.

— Он о Джиджи говорит, — тихо шепнул Автандилу Варлам.

— Да, знаю, — так же шепнул Автандил.

— Интересно, который сейчас час? — икая, спросил Тамаз.

— Пока еще рано, товарный не проходил, — успокоил его Варлам.

— Снег все идет? — осведомился Шалико.

— Идет, дядя Шалико.

— Эх, что мы пережили, что перенесли, что видели, в каких кровавых дождях выстояли. Ухо с легкостью слушает, язык легко говорит... Другой на моем месте чего бы ни придумал, что бы ни насочинял, чего бы ни приписал себе. Такому человеку, как я, не трудно пропасть в жизни. Врать я не умею, хвастать я не мастак, только факты. Точные упрямые факты, это мой девиз... Однажды мы защищали безымянную высоту. Противник яростно нас атаковал. И справа, и слева нас обстреливали. Семь дней и семь ночей мы глаз не смыкали. Когда ружья у нас кончились, мы стали

*Пословица немного иная: «Ветром принесенное ветер унесет», прим. пер.

стрелять пулями из рогаток.

– Это уже чересчур! – клянусь тебе, – совершенно неожиданно для всех вскочил Варлам.

– Что случилось, Варлам, дорогой? – невозмутимо осведомился хозяин.

Гости растеряно переглянулись.

– Какого черта у вас ружья закончились? Вы что, ели их, что ли? – продолжал Варлам. – Теперь я ни одному твоему слову не поверю! Все, кончилось! – Варлам ногой ткнул в дверь чулана, прошел к цало, снял с крюка свою поношенную шинель железнодорожника, не успел – взволнованный Автандил сорвался с места, вовремя бросился к Варламу и обхватив его за плечи и горячо заговорил: – Что ты делаешь, Варлам, тебе не подобает и половину того, что ты сказал!

– Да я в жизни такую брехню не слышал, – продолжал возмущаться Варлам, поддаваясь усилиям Автандила.

– Не хватил ли он лишнего часом? – невозмутимо спросил Шалико Тамаза.

– Ничего не могу вам сказать, – вежливо улыбаясь, ответил вконец растерявшийся Тамаз.

– Лишнего или нелишнего не знаю, но ты и тебе подобные меня не стоят, – проговорил Варлам, доставая из нагрудного кармана кителя пачку сигарет.

Тамаз в который уже раз громко чихнул.

– Это и без чиханья ясно, – проговорил Варлам, вытащил из печки раскаленный уголек, прикурил, глубоко затянулся.

– Ты случайно не простудился? – спросил Тамаз Автандил.

– Нет, это у меня так бывает, – ответил, утирая слезы, Тамаз.

– Ружья, говорит, кончились, – пробурчал Варлам.

– Случается, Варлам, на войне чего только не случается, не то что ружья, все что угодно кончается, разве я должен тебя учить? Все, как песок сквозь пальцы, исчезало, только надежду мы не теряли. Это еще ничего, а вот как я играл футбол на Эльбрусе – перед атакой, – это да! Ты теперь не говори, что никогда не слышал этого.

– Что-то не припоминаю, – ответил старый друг.

– Весь мир узнал, а ты почему не знаешь? И в газете было на-

писано, я эту газету порвал ненадолго, хлеб в нее завернул. А ну, наполним стаканы, Авто, что это ты, батона Тамаз?..

– Да, да, батона, это я выпью, там почти ничего и не осталось. На Эльбрусе играли в футбол, так я услышал?

– Да, верно вы услышали, играл в футбол.

– На самой вершине? – удивился Автандил.

– Нет, на склоне, со стороны Северного Кавказа. Именно тогда, дорогие мои господа, наша армия готовилась к решительному сражению, и штаб армии поручил мне как-нибудь, насколько возможно, отвлечь внимание врага к крайнему югу. Думал я, думал, аж мозги устали и, представьте, милые мои господа, нашел-таки выход. Вот что я придумал: надо провести на Эльбрусе футбольный матч!

На другой день, в полдень, я назначил матч по футболу между женатыми и неженатыми. Вам хорошо известно, а если не известно, то уж Варлам-то знает, что до войны я играл в футбол в «Локомотиве». Я раздолбал тогда две штанги штрафными ударами. После того я бросил футбол. Они мне сказали – мы тебе опечатаем правую ногу. Что и говорить, я конечно, не согласился, и так оно было или этак, но, к моему сожалению, я отошел от футбола. Словом, что долго рассказывать, я устроил футбольный матч между неженатыми и женатыми на высшей точке Эльбруса.

– Если это Эльбрус, хороши ваши дела, – проговорил Автандил.

– Дай мне закончить, если конечно, хочешь, а если нет, я-то знаю, что я рассказываю.

– Извини, пожалуйста, рассказывай дальше.

– Тренером женатых был я, уважаемый Тамаз, на пике тоже я стоял.

– Вы изволили быть игрок-тренером, – уточнил Тамаз.

– Да, батона, верное заключение, и, что мне от вас скрывать, судьей тоже был я. Короче говоря, начали мы играть, женатые и неженатые, а немцы смотрят на нас, глазам не верят. Повыскакивали из окопов, как козы. Офицеры вооружились биноклями, дорогой мой господин Тамаз,

бедолаги, верно, давно футбола не видали. Многие, дорогой мой господин Тамаз, на деревья позалазили, а тем временем, вы, должно быть, догадываетесь, наши войска ударили по врагу, вошли в Кубань, вызвали смятение в армии врага, ну а что потом произошло, благодаря моей находчивости и смекалке, вы хорошо знаете и об этом уже нет разговора.

– Я все-таки не понял, чем кончилось, – сказал недовольно Варлам, махнув рукой.

– Что ты не понял, милый человек, того, что мы провели фашистов, ты не понял, одержали победу, изничтожили врага, освободили целый ряд населенных пунктов, железнодорожные узлы, станции...

– Это я знаю, но как футбол кончился, футбол, я об этом спрашиваю тебя!

– А-а, ты о футболе меня спрашиваешь! Как кончился футбол? Футбол кончился безрезультатно: ноль-ноль. Как говорится, лучше лучшего не кончается – это про нас сказано. К тому же мяч у нас упал вниз, и мы прекратили игру. Кто бы спустился за мячом на глубину четырехсот-пятисот метров! Для этого ни времени, ни возможности не было. Да и кроме всего, разве это было главное? Нашей цели мы достигли, поручение командования выполнили. Сказать правду, я терпеть не могу себя хвалить и говорить лишнее, вы хорошо это знаете, тогда дни немцев были сочтены, что мне скрывать – войну и без меня бы выиграли, но я ведь много раз обыгрывал врага, и то, что я должен был делать, никому другому за меня делать не приходилось. Когда я вспоминаю этот Эльбрус, его снежную вершину... это было поистине величественное зрелище! Варлам, проснись, говорю я тебе! Кушайте, кушайте, уважаемый Тамаз, бросьте вы этот табак, и вы, и Варлам, вы табак даете себя убить?!

– Что мне делать, никак не могу бросить!

– Бросайте, бросайте! Лучше пейте вино, конечно, в меру, хорошее вино, в меру только, на пользу. А это бросьте. Если б курение приносило пользу, кто бы меня заставил бросить!

СОКРОВИЩЕ НАЦИИ

100 лет назад, 30 мая 1923 года, на базе книжных фондов Тифлисской публичной и Парламентской библиотек, была основана Государственная публичная библиотека Грузии.

Ее история берет начало в 1846 году, когда в Тифлисе открылась публичная библиотека, доступная для всех слоев общества – первая на Кавказе. Через два года ее фонды пополнило книжное собрание «Частной товарищеской библиотеки», основанной в 1842 г. известным общественным и политическим деятелем Дмитрием Кипиани. С 1852 г. библиотека в обязательном порядке получала по два экземпляра всех изданий, выпущенных на территории Грузии. В 1868 г. она объединилась с Музеем Кавказа. В 1937 г. к ее фондам присоединились книги, собранные грузинским «Обществом по распространению грамотности» в 1880-1927 гг., и библиотека стала обладательницей самого полного собрания национальных печатных изданий. С 1957 г. она производит международный книгообмен. С 1991 г. – является членом Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (IFLA). В 1996 г. она перешла под административный контроль парламента страны и получила название Национальная парламентская библиотека Грузии. В 2000 г. ей было присвоено имя Ильи Чавчавадзе.

Два года назад IFLA высоко оценила активную деятельность Национальной парламентской библиотеки Грузии и назвала ее рабочие отношения с международными организациями образцовыми для библиотек других стран.

Сегодня Национальная парламентская библиотека – это культурно-просветительский центр Грузии и форпост национальной библиографии.

«ТБИЛИСИ, ВО МНЕ ТВОЯ КРОВЬ...»

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

У каждого из нас есть книга, которая ворвалась в нашу жизнь, в наше мировоззрение, что-то поменяла, заставила посмотреть на весь мир под другим углом. Для меня такой книгой стал роман Григола Робакидзе «Змеиная рубашка» в переводе Камиллы Мариам Коринтэли. Сначала я прочла рукопись – рукопись перевода, которую должна была набрать. Работать было очень трудно – потому что хотелось читать, следовать за героем, не прерываясь на глупый стук по клавиатуре. Арчибальд Мекеш – главный герой романа – ищет своего отца и находит свои корни. Мы вместе с ним окунаемся в историю и возвращаемся в современность, воспринимаем человека как часть целого мира и отдельного индивидуума. Вместе с героем, путешествуя из Азии, добираемся до Грузии, до его сердца – Тбилиси: «В Тбилиси домой не возвращается никто... Здесь повсюду – «твой» дом. Бродить по Тбилиси – что может быть лучше?! Винные лавки, духаны повисли, как шарманки на карусели. Духаны полны всегда – (любой, какой угодно)... Тбилиси слушает, замерев. Не свою ли судьбу зрит город?! Ведь и он – Вавилон?! Тысяча народов. Тысяча племен. Тысяча наций...»

Коренные жители называют себя тбилиселеби (тбилисцы). Нужно впитать в себя всю палитру традиций этого города, чтобы суметь передать всю его красоту.

Сегодня мы беседуем с настоящим «тбилисели», писателем, переводчиком, кавалером ордена Чести, лауреатом премий Ильи Чавчавадзе и Иване Мачабели, заслуженным журналистом Грузии Камиллой Мариам Коринтэли.

– Как говорят, тбилисцем не становятся, им рождаются. Расскажите о ваших корнях...

– Я – уже четвертое поколение тбилисели. Мне трудно определить, чем для меня является Тбилиси. Как я написала в одном из стихотворений, «Тбилиси, во мне твоя кровь»... Я считаю, что тбилисец – это особая национальность, особая культура. Это не просто столица, здесь аура другая. Я много ездила по всему бывшему Союзу, не раз бывала за рубежом. Той изюминки, которая есть в Тбилиси, в других городах я не нашла. Конечно, это мое личное отношение. Но я знаю, что каждый, кто сюда приезжает, находит что-то неуловимо привлекательное, привораживающее.

– Вы всю жизнь живете в старинном тбилисском районе Сололаки...

– Я родилась на улице Сулхан-Саба. Прожила 13 лет в доме у бабушки, потому что моя мама была профессиональной певицей, она пела в опере, папа с утра до ночи работал, и бабушка – редкой души человек! – нам, внукам,

стала второй мамой... С четырех лет я уже читала и по-русски, и по-грузински. До третьего класса я училась в 43-й школе, она была общая, то есть, девочки и мальчики учились вместе, а потом нас разделили, и женская школа перешла в здание бывшей 3-й женской гимназии на Энгельса, сегодня улица Асатиани. Здания менялись, потому что шла Великая Отечественная война, и нужны были помещения для госпиталей. В конце концов, мы снова вернулись на улицу Энгельса, и я окончила уже 3-ю женскую школу.

– *Чем вы занимались – помимо школы?*

– Наша семья была музыкальная. Я объявила, что хочу стать певицей, и в шесть лет меня записали в музыкальную школу, на класс фортепиано. На прослушивании сказали, что у меня необыкновенные способности: абсолютный слух, редкая музыкальность и подходящие руки. К тому же я уже немного знала ноты. Меня посадили сразу во второй класс, а затем перевели в десятилетку для одаренных детей. У меня был очень хороший педагог, она прекрасно поставила мне руку. Все давалось очень легко – хватало всего полчаса, чтобы подготовиться к уроку. Но программа-то усложнялась, и нужно было больше заниматься. А я не хотела часами сидеть за фортепиано. Если честно, всему виной была просто лень. И однажды все сложилось в мою пользу, если можно так сказать. Как-то раз я шла на тренировку (а я в параллельном режиме занималась и спортивной гимнастикой) по мокрому снегу в прохудившейся обуви и промочила ноги, весь день в таком состоянии провела в школе. И в результате заболела воспалением легких. Нормального питания у нас не было, отопления не было – это ведь были страшные годы войны. Не знаю, как маме удалось меня вылечить. После выздоровления мне трудно стало заниматься музыкой, я пожаловалась маме, и она разрешила оставить фортепиано.

– *А что по этому поводу думал папа?*

– Он всегда поддерживал маму. У нас была дружная семья. Мой отец был кадровый военный, белый офицер. В свое время

окончил кадетский корпус. Это оставило свой след, мешало в продвижении по службе, а честь офицера не позволяла брать взятки, и о нем говорили, что он «портил» любое доходное место – не брал взятки.

– *В семье, наверно, отмечали церковные праздники?*

– Да, но без гостей и афиширования. 24 декабря, вечером, бабушка накрывала стол. Обязательными блюдами были холодец, винегрет, сациви. Я, помню, была маленькой, когда моя тетя, мамина старшая сестра, ночью, тайком, принесла елку. Тайком – потому что в 20-30 годах прошлого века в СССР велась антирелигиозная политика, и рождественская елка была под запретом. Игрушек в магазинах не было. Мама с тетей сами мастерили из бумаги какие-то украшения и наряжали елку. Но в 1941 году по приказу Сталина Москву облетел самолет с иконой Казанской Божьей матери. Это был весьма неординарный поступок, но не будем забывать, что Сталин учился в духовной семинарии и был весьма интересной личностью. Я считаю, что он сделал очень много для России. И, конечно, и для других республик. Грузия немало приобрела во время советской власти, но, к сожалению, были и роковые потери. В мире идеала не существует, все имеет оборотную сторону. Если задуматься – в тот период происходили страшные вещи, но люди верили в то, что делали: строили города, восстанавливали страну после войны. Сталин поднял из руин такую огромную страну! Конечно же, было сложно.

– *Но СССР все-таки распался...*

– Конечно, он исчерпал себя. С самого начала Советский Союз стоял не на тех рельсах. Не надо обвинять в распаде СССР кого-то конкретно, из-за грубых ошибок он был обречен изначально: когда запретили частную собственность, начали отрезаться от определенных культурных ценностей, насильно создавали совхозы и колхозы... Говорить на эту тему бегло, конечно, невозможно. Это предмет серьезных исследований, потому что в СССР хорошее и плохое смешивалось в один гигантский клубок.

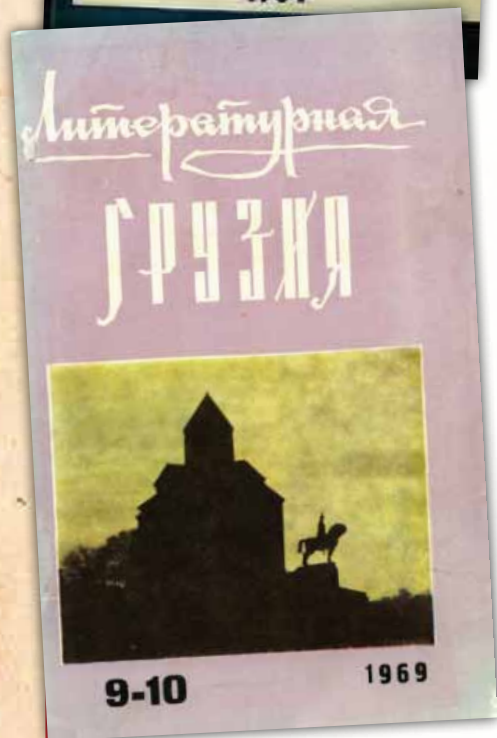
– *Вы верующая?*

– Род Коринтэли довольно древ-

Камилла Мариам Коринтэли

ний, в «Картлис цховреба» в VII в. упоминается наша фамилия. И известно, что они были католиками. Но я находилась «между небом и землей» до конца прошлого века. Меня крестили в православии на следующий день после смерти матери. Бабушка была абсолютно огузинившаяся армянка, которая следовала всем обычаям и традициям – тогда было принято крестить после смерти родственника, а мое «некрещенное» положение для нее было неприемлемо, она очень переживала. Вот так меня и окрестили. По большим праздникам, конечно же, я заходила в православную церковь. Однажды, на следующий день после Пасхи, мы с соседкой пошли в церковь. Но мне там было как-то не по себе, люди толкались, нас чуть не подпалили. Мы ушли, и я предложила пойти в католический храм. Войдя, почувствовала себя уютно и комфортно. Спросила служашую, когда бывает священник, когда ведется служба. Я ведь ничего не знала о церковных правилах. Вскоре я обратилась к епископу Джузеппе Паззото с просьбой принять меня в паству. Так же, как нельзя родиться второй раз, так же и креститься нельзя вторично. И я прошла катехизацию – стала католичкой. А с 2000-го по 2019 год пела псалмы соло в церкви. Между прочим, я специально занималась вокалом в 1957-1958 годах, и сдавала экзамен в консерваторию, но конкурс

был большой, и я не прошла.

– Но вы ведь к тому времени уже работали?

– Да, я работала техническим редактором в «Литературной Грузии». Начала работать в журнале с первого дня его основания, и спустя 40 лет ушла, так и не став главным редактором.

– А почему?

– Три года я была и.о. главного редактора. В те годы изменилось все: нужно было менять политику журнала, искать финансирование. Я готовилась к предстоящим трудностям, но в Союзе писателей решили иначе и назначили главным редактором другого человека. Я ушла, зная, что без работы не останусь. Так и получилось. Вскоре мне предложили работу в Институте иностранных языков. Я проработала там 10 лет – преподавала испанский язык.

– Как вы пришли к профессии переводчика?

– Не в один день. Испанский я любила с детства, наверное, потому, что в репертуаре мамы были испанские песни. Папа начал заниматься со мной немецким, но у нас как-то не получилось. Он много работал, уставал, да и немецкий мне не так уж и нравился. А испанский меня увлек. Пожалуй, Испания – эта единственная, кроме Грузии, страна, в которой я бы могла жить.

– И вы, конечно, поступили на филологический...

– Конечно, на русскую филологию, в университет. Я хорошо училась, но больше помню баскетбольную площадку. Очень увлекалась спортом. Спорт подарил мне такие качества, как упорство, настойчивость. После окончания университета я год проработала в школе, в младших классах. Не увлекло.

– А как вы попали в «Литературную Грузию»?

– Кто-то посоветовал пойти в «Литературную Грузию», куда набирали штат. Журнала как такового еще не было – только комната и ответственный секретарь. Я написала заявление о приеме на работу. Через несколько дней пошла на собеседование. Нам устроили конкурс, что не было принято в то время: дали на перевод по две страницы из романа Левана Готуа «Удел героев». Мой перевод оказался лучшим. Вот так я попала в «Литератур-

ную Грузию». Сначала работала корректором, а со второго номера меня назначили техническим редактором. Я была в ужасе, поскольку не знала полиграфию. Но меня успокоили, сказали, что всему научат старшие. И прикрепили к Г. Земскому, известному техническому редактору, приглашенному в «Литературную Грузию». У нас он не мог постоянно работать вот и занялся моим полиграфическим образованием. Затем я отправилась в типографию, обратилась к метранпажу Ивану Ивановичу, знатоку своего дела: «Иван Иванович, я ничего не знаю! Что я должна делать?!»

– «Не беспокойтесь, Камилла Николаевна, все будет хорошо». Вот так и пошло. Тогда типографский процесс был сложным, работали со свинцом... Люди встретили меня очень тепло. Короче говоря, второй номер с цветными вклейками я выпустила и получила благодарность. Затем меня назначили ответственным секретарем журнала, а потом перевели в отдел критики и публицистики. «Литературная Грузия» была журналом со своей спецификой. В основном это был переводный журнал, пропагандирующий грузинскую литературу и культуру. Мы действительно трудились очень много. Старались отбирать самые яркие произведения. Это были 60-ые годы, пора, когда всем нам многое открылось, и появилась некая свобода. Это интересная эпоха, потому что литература – и проза, и поэзия – расцвела новым цветом. Кстати, рядом с редакцией «Литературной Грузии», на одном этаже, работал и журнал «Цискари», который открылся почти одновременно с нами. Там работали замечательные грузинские поэты и прозаики. Мы очень подружались и всегда были в курсе литературной жизни Грузии. Параллельно с работой в журнале больше двух лет я работала в Парламенте, была аккредитованным корреспондентом «Литературной Грузии».

– В «Литературной Грузии» печаталось то, что не печаталось в России?

– Безусловно. Но хочу подчеркнуть, что мы были особым журналом, и у нас существовала цензура – Главлит. И когда мы печатали Мандельштама или Во-

лошина, то цензура вызывала на ковер главного редактора, и ему приходилось защищать журнал. Когда редактором был Тенгиз Буачидзе, произошел очередной скандал. Мы напечатали повесть Левы Челидзе, но кому-то что-то не понравилось, и ему вменили националистическую идею. В результате ответственного секретаря сместили.

– Вы публиковали самых известных современных русских поэтов...

– Это так. Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Павел Антокольский, Александр Межиров и многие другие, все они буквально хлынули в наш журнал и занялись грузинской поэзией. Надо сказать, что авторы, которые были нон грата для Москвы, у нас получали большую поддержку – и моральную, и материальную.

– Кто был самым интересным редактором в «Литературной Грузии»?

– Мы были избалованы хорошими главными редакторами. Все они имели свой шарм, были личностями – очень интересными и очень разными. Первым редактором был Константин Лорткипанидзе. Он обладал поразительным чутьем языка. Русский он знал довольно хорошо, но не так, как чувствовал сам язык. Ведь писателю всегда очень важно найти то самое, нужное слово. И ему это удавалось. Гурам Асатиани – воплощение интеллигентности, тонкий, остроумный, замечательно образованный. Юрий Цицишвили – чудный человек, который все понимал слету.

– Когда вы начали заниматься переводами?

– Еще в школе я стала переводить маленькие тексты. Меня всегда интересовало, как это будет звучать на русском или грузинском, английском или испанском... В 1951 году я опубликовала свой первый перевод – документальную прозу Давида Пулиашвили. Тепло вспоминаю перевод Демны Шенгелая «Фреска». Как оказалось, перевод этого рассказа уже существовал, но редакция опубликовала мою работу.

– Ваш самый любимый перевод?

– «Змеиная рубашка» Григола Робакидзе. Экскурсы в историю древнего мира, представленного удивительно красочно. Само ви-

дение этого мира на протяжении веков в некоем органическом единстве и в единстве с современностью. Поразительные краски и оттенки, полутона чувств и отношений. Скульптурная четкость характеров. Удивительно богатый, пластичный, меткий и точный грузинский язык, стиль, манера повествования. Все это очаровывало меня... Я работала с большим интересом и подъемом. Вообще я над любым переводом работаю очень много и кропотливо. Но тут я шлифовала свой перевод, как самый злой редактор.

– Что труднее переводить – прозу или поэзию?

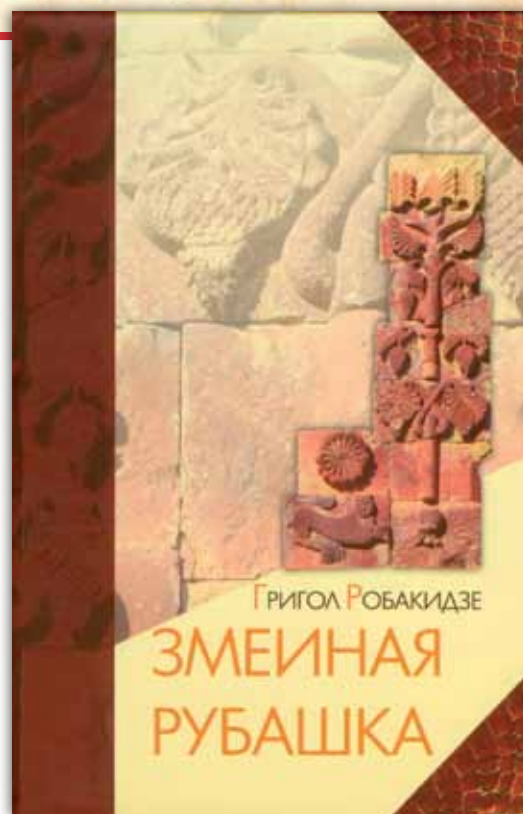
– Это разные вещи. Мне кажется, что перевод поэзии бывает иногда невозможен. На моем опыте перевода с грузинского и на грузинский, могу сказать: в поэзии нельзя просто переводить слова – в них нужно вдохнуть дух. Ритмика, мелодика, акцентировка – очень сложные и тонкие категории. Помимо всего этого для поэтического перевода нужны какие-то другие силы. Учить переводу – глупость. Тициан писал об этом (в блестящем переводе Пастернака): «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут Меня, и жизни ход сопровождает их». Большой запас лексики и знание языка не означают, что человек может переводить поэзию или прозу. Необходимы талант, подъем и вдохновение.

– Помимо всего, вы активно занимались и общественной деятельностью...

– Да, конечно. В 1978 году в конституцию хотели внести поправку, согласно которой государственным языком Грузии становился русский. Тогда всколыхнулась вся интеллигенция, профессура, студенты. Я принимала большое участие в составлении петиции и в сборе подписей. И мы были счастливы, когда грузинский язык был объявлен государственным. Потом, например, была петиция по поводу изучения истории Грузии в школах как отдельного предмета. Их было много, протестных петиций, и все они прошли через меня и мой дом.

– Вы любите животных?

– Да, особенно кошек. Это необыкновенно интересные животные, которые обладают богатым интеллектом. В течение несколь-

ких лет я занималась проблемой бродячих собак и беспризорных кошек. Началось с того, что в одной из газет появилась статья «Шейте шапки из шерсти кошкам и собакам». Эта статья подействовала на меня, как на быка красная тряпка. Я начала писать очередную петицию, другого средства борьбы тогда не было. Мы подняли всю общественность – журналистов, писателей, актеров, певцов. Подключили ветеринаров и пошли в Горсовет. Председатель Горсовета Андриадзе с вниманием отнесся к вопросу. Артель, предлагающая свои сомнительные услуги, замолчала. В 1992 году мы учредили первое в Грузии Общество защиты животных. Шеварднадзе стало известно об этом, и он прислал одобрительное письмо, но положение в Грузии было очень тяжелым, мы не смогли изыскать средства и это дело застыло на одной точке. Между прочим, проблема защиты животных стояла еще при жизни Ильи Чавчавадзе. Мы разыскали сведения, что к Илье обращались за консультацией по поводу создания общества защиты животных. В то время оно так и не было учреждено. Но все эти попытки, как мне думается, имели большой смысл и значение.

КАЛЕЙДОСКОП БРИКМАНА

«Ничто не говорит о стране больше и лучше, чем люди в ней живущие.
Ничто не говорит о людях больше и лучше, чем их лица.
Ничто не говорит о лицах людей больше и лучше, чем их глаза...»
Дмитрий Брикман

Фотографы, даже самые-самые замечательные, всегда разные.

Порой встречается такой, кто думает о людях, находящихся перед объективом, и сопереживает им. Ведь он не фотоаппарат, не инструмент – фотограф.

Иногда бывает, что фотограф не фотографирует, а создает, творит. И тогда мы называем его только фотохудожником, и никак иначе.

Это все о нем – о Дмитрии Брикмане, которого знают как создателя ряда циклов «Фотопереводов» и передачи «Детский недетский вопрос», как путешественника и потрясающего рассказчика, как человека с изящным чувством юмора и наделенного талантом сопереживания ближнему.

■ Светлана СИНАТАШВИЛИ

Встреча с Дмитрием Брикманом – фотохудожником, журналистом, радиоведущим, бывшим петербуржцем, ныне живущим в Израиле, прошла в центре города Тбилиси, в новой студии классика грузинской фотографии Юрия Мечитова и его коллеги Маико Деисадзе. Хозяйева радушно встречали гостей. Атмосфера царила салонная. Вечер назывался «Фотоперевод».

Первое впечатление о Дмитрии Брикмане: спокойный, умный взгляд, дружелюбие, полное взаимопонимание и взаимодействие с аудиторией, тонкий юмор, шутка в тему, и – снова о главном, о том, ради чего

собрались.

Как объясняет сам Дмитрий, «фотоперевод – это неоднозначный перевод текстовой или музыкальной семантики в эмоциональные движения души посредством языка фотографических образов». И я поняла: это когда встречаешь на улице, в транспорте, где угодно натуру, делаешь снимок, и все понимают – да, это именно он (она), лучше и не найти, будь то лицо, предмет или фрагмент. Ты не иллюстрируешь, а даешь «возможность увидеть то, что осталось скрыто между буквами или звуками». Люди видят снятое тобой фото, принимают и дополняют образ чем-то очень

личным и глубинным – своим. Основа же, картинка, всегда совпадает с их ощущениями. Не бывает: «В данном образе лично мне не хватает одухотворенности, глубины и т.д.». Или: «Я мог бы поспорить с автором...». Нет такого. И быть не может, по моему глубокому убеждению. Каким-то чудесным образом чувствуешь всех людей и все предметы, запечатленные на снимках Брикмана. Ты догадываешься, кто это, зачастую даже не глянув на подпись.

Слова Дмитрия об Иерусалиме и его необыкновенные снимки еще сильнее подогрели мое желание побывать в святом городе, который, по выражению

автора, и «не город вовсе, скорее, безнадежно запутанный клубок человеческих страстей». Вглядываясь в лица горожан на его фото, рассматривая каждую морщинку на одухотворенных лицах и полностью принимая их, хочется побродить и найти «свои» лица «своего» Иерусалима. Но это будет уже другая, моя история. И тема другая.

«Молитвы Иерусалима» — это, в представлении автора, молитвы в одном месте представителей разных национальностей, конфессий, религий. Никогда раньше не задумывалась об этом. И Дмитрий показал нам, как бы это выглядело. Молитвы об одном и том же, обращенные к одному Творцу. Это выглядит и звучит так восхитительно, что дух захватывает. Наверно, это и есть мир. Без войн. Так хочется дожить до этого.

По словам Дмитрия, каждый захочет внести что-то свое, личное в то, что увидел и услышал в его фотопереводах. Добавлю: и задумается о главном, перечитает зачитанное до дыр, но только сейчас понятное, или откроет никогда не читанное и доселе неведомое, и откроется ему истина. После этого вечера, к примеру, перечитала Екклесиаста. Читала, а перед глазами плыли образы фотопереводов. И слышался мне его голос, Дмитрия.

Кстати, голос автора — это отдельная тема. Свои тексты Дмитрий читает сам. Это очень важно. Уверена, ни один мастер слова, гениальный актер или декламатор не сможет передать смысл строк так органично, в меру строго и без лишнего пафоса. Этому голосу веришь. Считаю, что говорить о Боге, заповедях, жизни и смерти нужно только тембром голоса Дмитрия Брикмана. Я слышала и раньше: «Что было, то и теперь есть, и, что будет, то уже было». Но Дмитрий произносит так, будто это не слова царя Соломона, а его собственные. И оттого текст играет другими красками. Искрится по-особому.

«Тени» впечатляют. Постара-

юсь облечь свои эмоции в слова. Мне кажется, что тени — это мы, наши предки, наши потомки в сутолоке жизни и событий. Событий, которые все время повторяются, ведь «ничто не ново под луной». Тени в метро, магазинах, на улицах, во дворах. Силуэты знакомы. Профили неуловимы. Некоторые лица угадываются. Все фигуры — в динамике. Суeta суeta. Жизнь.

И еще. Мне очень импонируют люди, любящие детей. Люди, которые внимательно их слушают и слышат. Которые учатся у детей. Когда Дмитрий Брикман говорит о детях, его лицо, интонация меняются. Поэтому я ему верю, когда он говорит и не о детях тоже.

Алена ДЕНЯГА

*Что было, то и будет;
и что делалось,
то и будет делаться,
и нет ничего нового
под солнцем...*

«Под небом голубым есть город золотой...» Иерусалим, Иерушалаим, Вечный город... В одном небольшом пространстве невидимой нитью объединены иудаизм, христианство, ислам. Именно здесь у замечательного фотографа Дмитрия Брикмана возникли его фотопереводы.

У всего есть своя точка отсчета. В энный день, в энный час... Все началось в Макао. Улица в старом городе. Человеческая река. Каменные ступени. Фигура старого китайца. Лицо с глубокими морщинами. Вспышка... Нет, это не кадр из какого-то фильма. По возвращении домой, в Израиль, ранее отснятый фотоматериал «перевелся» на текст книги Екклесиаста. Книги, которую вдоль и поперек цитировал наизусть Дмитрий. И вот из вербального языка родился визуальный. На свет появились циклы «Молитва Иерусалима», «Иерусалим не просто город», «Тени Иерусалима», «Глаза Армении», «Глаза Грузии».

«Кроме того, что Екклесиаст был мудр, он учил еще народ знанию. Он все испытывал, исследовал и составил много притчей».

Дмитрий – ленинградец. Окончил политехнический вуз. В начале 90-х годов переехал в Израиль. Когда я только познакомилась с фотоработами Мастера, возникло четкое ощущение – это работы не гуманитария: логически выверенные, рациональные, безусловно высокохудожественные композиции.

Поразительно, насколько они тебя завораживают. Это какой-то магнетизм, срабатывающий на подкорке... Необъяснимым образом твое самое потаенно-сокровенное из прошлого всплывает, из той самой коробочки с детскими «сокровищами». Ты поддаешься этой волне памяти, трепета, воспоминаний, она захлестывает тебя и отправляет в невесомость. И вот ты уже плывешь как на картине Шагала, и тебя настигает, и ты ловишь себя на том, что по щекам текут соленые слезы...

Наша удивительная жизнь каждый день преподносит сюрпризы. Есть книги, к которым на протяжении всей жизни возвращаешься – и не раз. К которым пытаешься подобрать ключик – чтоб получить ответы или найти в очередной раз слова поддержки, почерпнуть мудрость, а подчас и милосердие. После знакомства с фотопереводами Дмитрия, через его фотооткровения великий текст Екклесиаста стал приобретать более четкие очертания.

В уютной фотомастерской Юрия Мечитова и Маико Дейсадзе на встрече с Брикманом, на просмотре его фотопереводов, было явственное ощущение какого-то физического переброса-перемещения. Где я? Нет, уже не в Тбилиси. Ведь это я трогаю камни Стены Плача. Стою с мольбой, возведя руки к Небесам. Луч солнечного света, пробившегося в храм, падает на меня. И это я чувствую тепло от зажженной свечи, а не кто-нибудь другой.

Река человеческих лиц... судеб... душ... Брикман, словно демиург, дает тебе ключ от Вечного города: «Возьми и храни».

Лица его жителей, руки верующих, глаза детей... И на Земле все едины, нет ни вражды, ни соперничества, ни жажды наживы... Есть один народ. Почему же все так не просто и люди не живут в мире по заповеди «возлюби ближнего своего»?!

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

■ Андрей МАРУДЕНКО

Продолжение

О ЖИЗНИ РОДНЫХ В ЭМИГРАЦИИ

– Никита Дмитриевич, вы упомянули своего деда – Василия Васильевича Вырубова. Я знаю, что он был очень интересный человек, к тому же смог сохранить в Париже вполне аристократический образ жизни.

– Да, он жил в Париже с 1918 года и служил членом исполнительного комитета, а после смерти князя Львова стал председателем Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (основан в 1921-м году). Эта служба обеспечивала ему благополучный образ жизни, к тому же, он унаследовал арендуемую квартиру своего дяди, князя Георгия Евгеньевича

Львова, которую тот арендовал еще в 1905 году, а вместе с квартирой – и лакея Ивана, приехавшего в Париж вместе с князем Львовым в качестве конюха. Квартира находилась между Гранд опера и собором св. Мадлен, в 100 метрах от Бульвар де ля Мадлен, в центре Парижа на 2-м этаже без лифта. – Я видел квартиры русских эмигрантов, их особую эстетику.

– Как во многих квартирах русских эмигрантов, стены квартиры деда были увешаны семейными портретами князя Львова и портретами членов царской семьи. Сын моего деда Николай позже подарил эти портреты Константиновскому дворцу в Санкт-Петербурге, а ныне некоторые из них размещены в кабинете президента России, который находится в этом дворце. – Никита Дмитриевич, можно ли

сказать, что есть общий стиль

русского дома, сохранившийся в эмиграции?

– Русский стиль характеризуется ностальгией по минувшему. Стены обычно увешаны фотографиями близких, утраченных усадеб, иконами, репродукциями картин русских живописцев. В более обеспеченных жилищах можно увидеть подлинные картины русских художников. Русские эмигранты почти никогда не вешают картины иностранных художников. Если браки оказываются смешанными, может добавиться значительная порция европейской живописи. Стены часто оказываются полностью завешанными предметами прикладного искусства, например, тканями или фото с репродукциями живописи в представительных рамках. Русский стиль подчеркивает наличие икон, которых нет ни у протестантов, ни у католиков. Изредка самовар и расписные подносы дополняют «русскость» дома.

– Василий Васильевич и его сыновья были единственными представителями Вырубовых в эмиграции?

– Нет, не единственными. В 1923 году Мария (урожденная Киреева), вдова брата моего

деда – Александра Вырубова, вышла замуж в Ницце за Георга Бемберга, сына Отто Бемберга, богатейшего аргентинца немецкого происхождения. Это обстоятельство повлияло и на будущий образ жизни самого Василия Васильевича и его двух сыновей. История трогательная, необычная, и поэтому я расскажу вам ее.

– Это очень интересно.

– В 1920 году, овдовев, Мария Вырубова прибыла из Константинополя в Ниццу с тремя дочерьми и няней. Ее сопровождала свояченица, Мария Васильевна Вырубова-Галахова (родная сестра Василия Васильевича Вырубова), разведенная со своим мужем Николаем Галаховым. Материально им было очень трудно. Мария была привлекательна, знала этикет высшего общества, и ее приглашали в качестве «экстра-класса» по-

В.В. Вырубов с племянницей О.А. Толстой

давать блюда на светских ужинах. На таком ужине ее заметил Георг Бемберг и влюбился. Мария отвечала отказом на его предложения руки и сердца, указывая на очевидное – все общество будет считать этот союз «браком по расчету», ради денег. В отчаянии Георг попросил свою сестру Розиту, в замужестве маркизу де Гане, обратиться к моему деду, чтобы тот уговорил Марию принять его

предложение.

– Она согласилась?

– Во избежание сплетен семья Бемберг предложила сделать Марию финансово независимой до свадьбы. Что и было сделано. Георг был не очень здоровым человеком, со временем ему в его поместье Пранжан возле Лозанны понадобилось постоянное медицинское наблюдение. Мой дед был назначен его опекуном, получил жалование, квартиру и прислугу в Лозанне. Во время войны это позволило деду курсировать между Парижем, где он жил, и Лозанной по Нансеновскому паспорту. Старшая из дочерей Марии, Маня Вырубова, вышла замуж за князя Константина Горчакова. Бемберги назначили его главой принадлежавшего семье Банка в Монтевидео. Предугадывая возможность войны в близком будущем и предполагая, что Швейцария будет оккупирована немцами, многие состоятельные люди перевели свои капиталы для сохранности в Уругвай, который тогда считался «Швейцарией Латинской Америки». Младшая дочь, Ольга Вырубова, вышла замуж за Сергея Михайловича Толстого, внука писателя Льва Толстого. Сергей Михайлович был врачом семьи и многочисленных родственников Бембергов. Сохранилось фото няни их семьи, Татьяны Дмитриевой. Она вошла в семью 16-ти лет от роду и до самой смерти – в возрасте 96 лет – жила с ними. А средняя дочь, Ирина Вырубова, всю жизнь дружила с дочерью греческого короля и супругой князя Турн-унд-Таксис (одно из их владений – огромный замок под Триестом). Принц знал об этой слишком тесной дружбе, но она его не тяготила, ибо он имел свои пристрастия на стороне с особами своего пола.

– Как сложились судьбы сыновей вашего деда?

– Его старший сын, Василий, по предложению Бембергов, был послан учиться сельскому хозяйству в университет города Рединг в Англию. Окончив учебное заведение, он провел всю жизнь в Аргентине, заведывая частью сельскохозяйственных угодий Бембергов. Младший сын,

Н.В. Вырубов с Сабин де Ноай в день свадьбы. 1962

Николай, женился на графине Сабин де Ноай. А ее старшая сестра Филиппин вышла замуж за старшего из пяти сыновей Розиты Бемберг, маркизы де Гане. Николай был свидетелем на их свадьбе. По французским законам при венчании необходимы два свидетеля. У семьи Гане пять замков, которые находятся на расстоянии часа езды на автомобиле от Парижа. Один из них, Флериан-Бьер, пустел в 20-30-х годах. Василий Васильевич Вырубов арендовал помещения конюшен и проводил там отпуска и выходные со всей семьей. Комнат было много, это позволяло Вырубову и его детям приглашать множество знакомых и родственников и дружно проводить время. У деда, как я выше упомянул, была родная сестра, Мария Васильевна Вырубова, которая вышла замуж за Николая Галахова. У Марии Васильевны было двое детей – Додося и Николай, кузина и кузен моей мамы, Ирины Васильевны, урожденной Вырубовой. Додося в браке с князем Андре-

Никита в костюме болгарского крестьянина

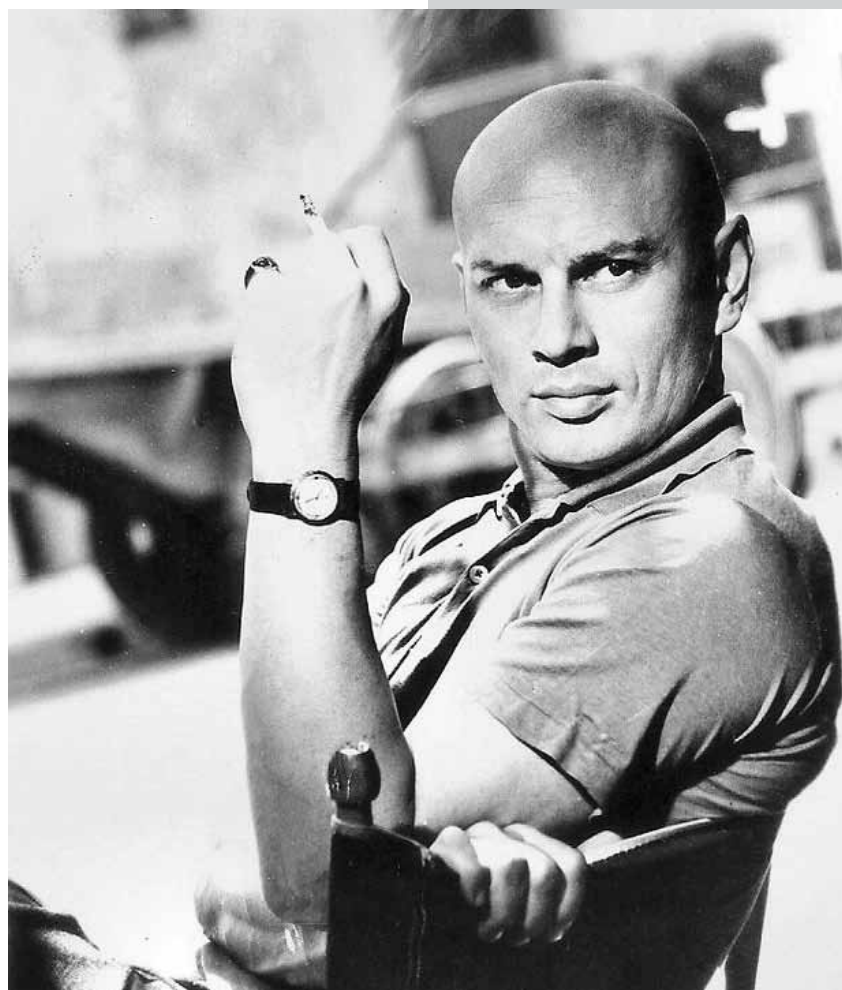
ем Григорьевичем Волконским родила Татам. Есть очень любопытный портрет Татам художника Бальтюса. Надо пояснить: художник Бальтюс, друг моей тети, Ирины Александровны Вырубовой, дочери брата Василия Вырубова, прославился в мире тем, что писал портреты девочек, в которых проступал намек на эротику. Бальтюс часто бывал во Флери и беседовал с тетей моей матери, Киной Николаевной Галаховой. Тетю Ирину он навещал и в Лозанне. Так и получилось, что он написал большой портрет Татам Волконской, который ныне воспроизведен во всех его монографиях. Я навещал Бальтюса в его доме в Швейцарии – он очень тепло отзывался как о тете Ирине и тете Кире, так и о своих посещениях Флери. Когда началась война, немецкие военные вытеснили Вырубова из конюшен замка, и ему пришлось переехать, разместиться с семьей в трех крестьянских домиках при ферме. Вслед за немцами пришли американские военные, которые так изгадили помещения конюшен, что Вырубову было не по карману восстановить их. И он с родными остался в крестьянских домиках. Еще одна родственница Василия Васильевича Вырубова, его племянница Маня, была замужем за Константином Горчаковым. Она выдала свою младшую дочь Дарью за Дуди-

ка (Андрея) Кочубея. Его сын, Александр, ныне проживает с семьей в Женеве.

– Рассказывая про своих родных, вы часто упоминаете их прозвища, которые не всегда имеют отсылку к имени, например, Татам. Насколько прозвища были распространены в русских семьях?

– Прозвища присущи многим русским семьям, с которыми я встречался. Например, отца нашего с вами общего знакомого и моего родственника, Александра Кочубея, звали Дудик. Причина этому такова: когда он родился, у него на голове были волосы только над лбом, наподобие казачьего чуба. Родители его звали «чубик». Но сестра Нели, которая была старше его на 5 лет, не могла произнести это слово и искажала его на «дудик». Таким образом, это прозвище утвердилось на всю жизнь. Кстати, моего отца Дмитрия родители называли «Дидик».

Юлий Борисович Бринер (Юл Бринер)

– На вашей детской фотографии вы в национальном болгарском костюме?

– Да, это болгарский костюм. Вы знаете, почему в бывшей Османской империи носили такие брюки с мешком между ногами, как на фотографии? Крестьяне от Сербии до Багдада носили такие брюки. Причина этого, что Османская империя исповедовала суннитский ислам. Одна из суннитских сект верила, что пророк Магомет снова появится в мире, родившись от мужчины. Потому каждый мужчина имел пространство в брюках, куда мог бы родиться пророк. Обычно такие брюки были коричневые. Но у меня они были белые – это племя шопов носило всегда белые брюки. Но главное у них не цвет, а мешок между ногами.

– Никита Дмитриевич, ваши близкие родные потеряли после революции все, что имели. Это были представители элиты Российской Империи, к тому же очень богатые люди. Они же не

Алеша Дмитриевич

предавались стенаниям в эмиграции?

– Это были очень верующие люди. Для них религия и Россия сочетались в одно единое. Поэтому всегда, как глубоко верующему, человеку можно было сказать себе, что есть другие, которые находятся в еще более худшем состоянии. Потом, мои отец и мать учились в Англии, а там вообще не принято жаловаться.

– Какие люди окружали вашего деда, Василия Васильевича Вырубова?

– Одним из друзей моего деда был господин Денисов, у которого был свой ресторан в Париже, где на гитаре играл Юлий Борисович Бринер, ставший впоследствии актером мировой величины. Он родился во Владивостоке в 1920 году и был потомком швейцарских эмигрантов в России. В этом кабаке брат моей матери, Николай Вырубов, служил вышибалой. Приехав в Париж в 1918 году, господин Денисов купил за значительную сумму рыболовную концессию на протяжении одного километра на реке Ааро. В самом перспективном месте для ловли семги в Норвегии. Доход с аренды рыболовов со всего мира позволил ему жить в полном довольствии в эмиграции. Знаменитый Алеша Дмитриевич, сын Вали Дмитри-

евич, известный исполнитель цыганской песни, со всей семьей Дмитриевичей приезжали в деревню Флери, к моему деду на дачу, на вечеринки. Денисов привозил ведро икры. Затем я видал Алешу в Буэнос-Айресе, куда он переехал и там кололся. Я тогда работал геологом в Аргентине. Алеша старался петь в кабаке, но был в упадке. Младший брат моей матери, Василий, жил в Буэнос-Айресе. Он был одним из немногих друзей Алешы по Парижу. Я жила у дяди в Буэнос-Айресе во время отпусков и часто с горечью следил за распадом Алешы. Увы.

Макинск, а мать – Стефания Антоновна Любельская, вторая супруга Паши. Их семья поселилась в Баку, где Шура учился в школе. А дома гувернантка-англичанка учила его английскому и французскому языкам. В 1917 году они поселились в Париже. В 1950 году Макинский познакомился с Джеймсом Фарли, главой Кока-Кола, который предложил ему пост вице-президента по международным делам. Они подружились и часто ездили вместе по всему миру, включая СССР, продвигая интересы компании. В 1968 году газета «Правда» опубликовала

Луи Хоу, Рузвельт, Франклин Д. Рузвельт и Джеймс Фарли

Алеша под аккомпанемент Бринера на гитаре выпустил в 1967 году два диска, которые имели большой успех в Америке и в Европе благодаря мировой популярности Бринера. Диски просочились в СССР. Их сейчас можно послушать в интернете.

– Вы однажды рассказывали про одного из близких друзей вашего деда, который стал причиной того, что в СССР пили Пепси, а не Кока-Колу.

– Это был Шура – князь Александр Павлович Макинский, который был большим другом Василия Вырубова. Встречался я с ним в Париже, у деда, а затем в Нью-Йорке, куда я эмигрировал в 1958 году. Родился Шура в Маку, провинции Каджар в Иране. Его отцом был Паша хан

статью, в которой указывала на то, что Макинский – сотрудник ЦРУ. Это закрыло возможность дальнейшим попыткам Кока-Кола внедриться на советский рынок. Спустя четыре года Дональд Кендалл, глава Пепси, наладил политически приемлемую для СССР комбинацию – обмен по бартеру. Пепси покупала водку у Советского Союза и расплачивалась за нее концентратом Пепси-колы – литр за литр. Страна не теряла валюту и давала отдышку молодым. Несмотря на то, что Пепси стоил в 2 раза дороже, чем иные газированные напитки. Пепси пользовался огромным всесоюзным успехом. Прибыль шла в казну.

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ **Александр ЭБАНОИДЗЕ**

Продолжение

ЗАПАДНАЯ ГРУЗИЯ

— Этой части Грузии больше других пристало пушкинское определение — «миловидная». Округлые горы не пугают взора, они курчавятся каштановыми лесами и дубравами, и села на их склонах одно краше другого — загляденье! В теснине, иссеченной канатными дорогами, уместилась марганцевая столица — Чиатура. Через нее протекает Квирила — черная река, пожертвовавшая для нас своей красотой и чистотой. За Квирилой горы начинают расти. Изумрудно-зеленые, они громоздятся, темнеют до синевы и вползают на главный хребет — великолепную снежную гряду. Там высятся скалистая Шхара, неприступная Ушба и красавец Тетнульд. Еще севернее сверкает над облаками двугорбый Эльбрус. В этих местах Кавкасион особенно высок и неприступен, и особенно глубоки его теснины. С одной из них связано памятное воспоминание. Я ехал на практику в Сванетию. Ночью застряли в ущелье. По неосторожности я отошел от машины и точно уго-

дил в склеп. Исчезли дорога, горы, небо. Кем-то зажженная в машине спичка вспыхнула холодно и ярко, как электросварка. После этого стало так черно, словно заложили пролом. Лишь на рассвете, высоко-высоко над головой проступила узкая полоска — небо! Мы стояли в глубокой теснине, на самом дне... Там же днем сыграли в забавный футбол: игровая площадка огибала косогор и вратарей предупреждали о надвигающейся из-за косогора атаке... Впрочем, таких футбольных полей в Грузии немало... Но это там, где змеятся ущелья... А перед нами все просторней распахивается равнина — та самая, что на картах темно-зеленым треугольником льнет к Черному морю. Колхида!.. Вверху треугольника — Кутаиси, трехтысячелетний Кутаиа, описанный Страбоном и Геродотом. Это второй по значению промышленный центр Грузии, с электростанцией на Риони и величественными руинами храма Баграта. По одну сторону от него в зеленых куцах белеют дворцы цхалтубских санаториев, по другую — ансамбль Гелатского монастыря.

Самая характерная деталь колхидского пейзажа — малахи-

тово-зеленые, волнистые холмы и взгорки. Это плантации чая. Под чай отведена половина возделанной земли. Но рядом, конечно же, виноградники. Некоторым сортам винограда подходит здешний климат. Колхида наполнена горячим сиянием, сплавившим в одно зелень плантаций, голубизну виноградников и сгустки садов и селений. Во все стороны исчерченная дорогами, она все ровнее и ниже. Медленно и неохотно смиряется грузинский рельеф. Можешь представить, как велик перепад высот между ледниками Кавказа и Колхидской низиной, с какой стремительностью низвергают с гор свои воды Риони, Цхенисцкали, Ингури... Такие реки плохо приспособлены для купания и рыбалки, но хороши для сплава леса и?.. — отец выжидающе взглянул на меня.

— Для электростанций, — под сказал я.

— Верно. Энергия воды. Ее в избытке на западных реках. Риони работает уже несколько десятилетий. А недавно к нему подключился Ингури. В горловине ущелья, перед тем, как вырваться из теснин, возвели плотину, к слову сказать, одну из самых высоких в мире. Говорят, яко-

бы, скопившееся перед плотиной водохранилище сказалось на климате высокогорья. Поживем – увидим. Снежные зимы бывали там и раньше.

– Но с такими лавинами!.. – усомнился я, вспомнив трагедию в Сванетии (зимой 1986 года снежные лавины разрушили села в Сванетии).

– Случались и лавины. Просто мощные сванские башни их выдерживали. Как выдержали и на этот раз. А новые постройки не устояли... Между тем Риони разливается вширь, распадается на рукава и замедляет бег. Все ближе конец нашего путешествия. Путем солнца – с востока на запад. Лента реки – как стрелка компаса. По ее берегам на месте осушенных топей растут цитрусосвые сады. Вокруг озера Палиастоми тропические дебри перебиты лианами. А над ними зеленые взрывы эвкалиптов – могучих деревьев, пьющих избыток колхидской влаги. Их горьковатым и терпким запахом пропитан воздух... И, наконец, что-то широко и неоглядно засверкало вдали. Голубое пространство поднялось, встало стеной и слилось с небом. Не сразу и различишь, – где верх и где низ...

Казалось, в свободном полете мы видели все: неистовую зелень Алазанской долины, пустыню Гареджи, золото Картли, дремотную хвою Боржомии и Рачи и аравийский зной Самцхе; над нами дыбились скалы Сванетии, в высоких травах плыли кони по альпийским лугам, бесновались потоки в теснинах. А надо всем зубчатым венцом упирались в небо снежные вершины... Чего еще может пожелать душа и ненасытный глаз? Но вот там, где должно, на пределе желаний возникло море, и стало ясно, чего нам не хватало в полете. Неоглядная соленая синь! Она сверкает и дышит, и размеренно набегаёт на берег, белым карьером растянувшийся на сотни километров. Вдоль берега приморские города и поселки, утопающие в магнолиях и эвкалиптах, увитые глициниями и «изабеллой» – умытый дождями чистюля Батуми, работага Поти, весельчак Сухуми (сегодня трудно поверить, что когда-то это определение шло ему). А между ними Махинджаури и Кобулети, Новый Афон и Гагра, и две жем-

чужины Кавказского побережья – Пицунда и Зеленый мыс... Каскадами сбегает к морю роскошный ботанический сад, видением проходят на горизонте белые корабли, снуют прогулочные катера и за стремительными глиссерами в сверкающих брызгах мчатся на водных лыжах загорелые девушки...

И если на нашей чудо-арбе набрать высоту, мы увидим, что милая родина похожа на изумруд в жемчужной оправе, и, вспомнив предание, подумаем, что и впрямь Господь уделил нам свой сад – «Живите в нем и радуйтесь!» Не случайно слова о саде и радости вырвались у выросшего на грузинской земле Владимира Маяковского: «Я знаю – / глупость – эдемы и рай,/ Но если /пелось / про это, /Должно быть Грузию – / радостный край,/ Подразумевали / поэты!»

Вот, пожалуй, и все для беглого обзора. Для однодневного облета на арбе...

Отец встал с тахты и прошелся по комнате, потом взял из корзины грушу и протянул мне.

– Что? Хороша? – спросил он, глядя, как я захлебываюсь сладким, душистым соком. – Согласись, как бы я не расписывал ее вкус и аромат, не надкусив, ты бы его не узнал... Я это к тому, что переписка – дело хорошее, но надо бы нашему Сандро приехать из Звенигорода и самому все увидеть. Попробовать на вкус.

Я даже от груши оторвался.

Река Риони

– Правда?!

– А почему бы и нет?

– Я тоже думал об этом... Но когда?

– Ясно – на каникулы. Лучше на летние, чтобы подольше.

– Ух, вот здорово, папка! – я обнял его и поцеловал в колючую щеку сладкими от груши губами. – Повезем его в деревню!..

– Разумеется, повезем, – папа вытер ладонью щеку и подмигнул мне. – Но сначала толком объясним все человеку. Пусть приезжает подготовленный.

– Что объясним? – не понял я.

– В письме он интересовался разными областями Грузии. Мы вот что сделаем. Для удобства набросаем план. Дай-ка листок бумаги. – По верхней кромке листка он наметил Большой Кавказский хребет, по нижней – Южно-Грузинское нагорье, а между ними, деля Грузию пополам, чуть наискосок обозначил Лихские горы: невысокие, но лесистые и малодоступные, они всегда служили разделительной чертой. – А теперь смотри внимательно, – он сдвинул листок поближе ко мне. – Если мысленно встать на Лихских горах лицом от Кавказиони, то по правую руку от тебя окажутся Картли и Кахетия, а также прилегающие к ним Тушетия, Пшав-Хевсуретия и земли, населенные осетинами. – Отец отметил в плане эти территории и искоса взглянул на меня. – Так? А по левую руку – что? Имеретия – правильно. Рача-Лечхуми, Сванетия, Мингрелия, Гурия, Абхазия и

Абхазия. А Самцхе останется у тебя за спиной, в долинах Южно-Грузинского нагорья, — отметил на карте все эти исторические области, папа взглянул на меня. — Как ты думаешь, откуда такое разнообразие на небольшой, в сущности, территории? Ведь жители этих областей отличаются не только обычаями и образом жизни, но даже языком. А гуриец не сразу поймет хевсура, хоть оба говорят на грузинском. — Я растерянно пожал плечами. — Главную причину разнообразия ты видел во время нашего полета. Это — горы. Высокие горные хребты пересекают Грузию вдоль и поперек. А между хребтами — плодородные заселенные долины. Сообщение между долинами затруднено, особенно зимой. Там веками складывался свой уклад, в том числе, и особый говор. Такое характерно для стран с горным рельефом, хотя и не только для них. А теперь вот что тебе посоветую... Мы живем в старом тбилисском доме, населенном выходцами почти из всех уголков Грузии, в седьмой квартире у нас живут кахетинцы, в сорок третьей — сваны, в семнадцатой — рачинцы, ну и так далее... Словом, Грузия в миниатюре, ее модель, — отец обозначил цифры на карте и с выжидательной улыбкой взглянул на меня.

— Ну и что? — все еще не понимал я.

— А то, что за пару дней ты можешь обойти всю Грузию и познакомиться со всеми ее областями...

ХОЖДЕНИЕ ПО ГРУЗИИ

Признаться, я не сразу оценил отцовскую идею. Дня три она вызревала во мне, пока я не понял, что мне просто неловко одному обходить квартиры — как будто я инкассатор или слесарь из Тбилиза. Попросил Чипо составить компанию. Он согласился.

Начали с седьмой квартиры, где жили Цицликашвили.

Квартира № 7, Кахетия

Дверь открыла тетя Тина. Небольшого роста, смуглая, черноглазая, с копной седеющих волос, она просияла при виде нас и завела насрспев:

— Заходите, сынки! Милости просим!.. Гиичка, как папа с мамой, как бабушка? В одном доме

живем, а раз в неделю не видимся.

Но я прервал ее и сказал, что хотел бы задать несколько вопросов дяде Гиго. Наш серьезный вид и особенно тетрадка с авторучкой озадачили ее.

— Гиго! — позвала она мужа. — Тут к тебе Гия с дружкой.

— Какой еще Гия? — недовольно отозвался из-за стены крепкий хрипловатый голос.

— Верхних соседей мальчик. Внук Георгия Николадзе.

— Чего надо?

— Не знаю. С тетрадкой, по делу. Спросить что-то хочет.

— Чего меня спрашивать, я же не гадалка! — при этих словах за стеной послышались шаги, и дядя Гиго открыл дверь. Это был широкоплечий грузный мужчина с грубыми чертами лица и щеткой усов под красным носом. Расставив ноги в шерстяных носках, он исподлобья, без интереса смотрел на нас медвежьими глазками. — Ну...

Сбиваясь, я объяснил, что хотел бы услышать от него коротенький рассказ о Кахетии, все что ему хочется...

Моя просьба сильно его удивила.

— Чего, чего? — он рукой оттопырил большое розовое ухо, заросшее седыми волосами. — Какой-такой рассказ? Ты, малый, часом не чокнутый? Я, кажись, не волынщик и не учитель. Плохо же вам в школе вправляют, если вы к Гиго Цицликашвили за уроками ходите.

Я сказал, что переписываюсь с братом из Звенигорода и мне не подходят школьные уроки географии. Но мои слова только пуще раззадорили его.

— Не пойдет! — он мотнул пегой патлатой головой. — Не пойдет, и все тут! Ты мои слова в тетрадку запишешь, потом переврешь и на всю Россию Гигушу ославишь. Не хочу. Нет.

— Ну, что ты уперся, Гиго? — вступилась за нас тетя Тина. — Мальчик хочет двоюродному брату твои родные края описать: что там да как. Правильно я поняла, Гия?

Я кивнул.

— Ну и пусть описывает на здоровье, — дядя Гиго отвернулся.

— Но мы там никогда не были, — вставил Чипо.

— Это не беда, — дядя Гиго от-

крыл дверь, грубоватым толчком выпихнул нас на веранду и указал на железную дорогу по ту сторону Куры. — Садитесь в метро, езжайте на Навтлугский вокзал и возьмите билет до Телави.

Тетя Тина неслышной поступью вышла следом за нами.

— Куда ты детей гонишь, изверг! — со слезой в голосе упрекнула она мужа. — Неужели родители их одних отпустят! Мальчики к тебе с тетрадкой, подомашнему, а ты...

Мы понуро побрели по веранде к винтовой лестнице. Чипо покосился на меня и незаметно покрутил пальцем у виска.

— Ну и ну! Как говорится, первый блин комом...

И тут мы услышали зычный, хрипловатый голос дяди Гиго.

— Эгей, молодцы! Что ж вы так быстро сдаетесь? Ежели б мы от каждой неудачи вешали нос, он бы у нас давно в землю врос. Так дело не делается. Ну-ка, марш за мной! — и он, ступая вразвалку, повел нас на кухню. Там у него горел камин, а на столе стояла плетеная ваза с фруктами. Горой громоздились краснобокие яблоки, золотистые груши, потрескавшийся от спелости гранат и матово-янтарные гроздья винограда.

— Вот — Кахетия! — дядя Гиго толкнул плетенку в нашу сторону. — Садитесь, чего стоите? В ногах правды нету... И на что глаз положите — берите. Эх, мне бы ваши зубы... — Он сел у камина на табурет, набил трубку и раскурил угольком. — Значит, о Кахетии, говорите? Ладно, будь по-вашему. Кахетия так Кахетия. Вроде, с чего бы нам делиться, и так не больно велика наша Грузия, вся в сердце умещается, верно? Но такой ее господь нам подарил, и не нам божий дар мненять. Тут Кахетия, там Имеретия, а между ними Картли. И у каждой своя красота, своя особенность... Так? Нет? Но скажу прямо: коли не бывал ты в нашем краю, стало быть настоящей Грузии не знаешь. Нет, правда: что за Грузия без Кахетии! Как Тина без меня. Или, скажем, ты без сестренки, — он ткнул в мою сторону трубкой. — Вот вы парни смышленные, скажите, что грузину наравне с дитем дорого? О чем он печется, как о семье родной? — Дядя Гиго раскрыл прищуренные от дыма глаза и

выжидающе уставился на нас.

Я молчал, а Чипо почесал в затылке и выпалил:

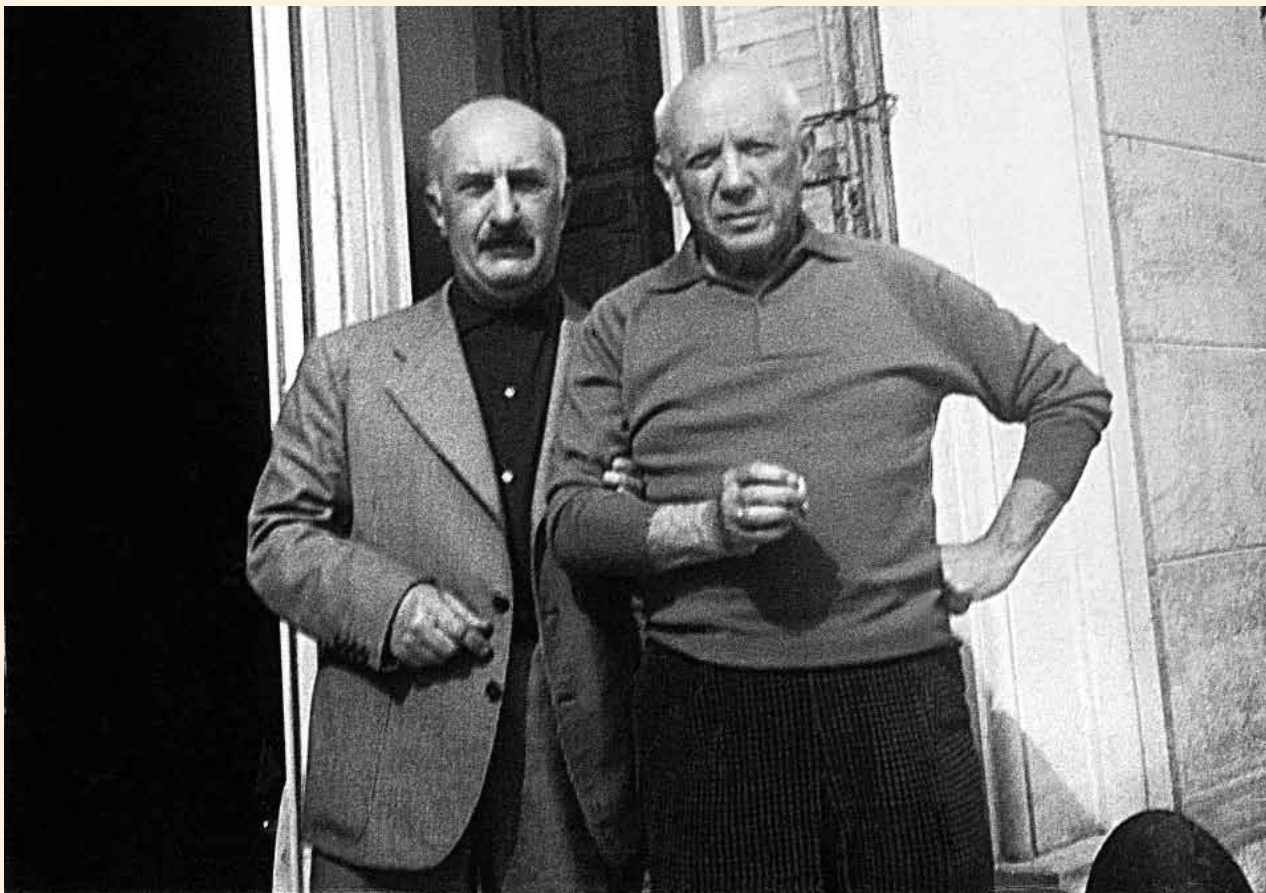
– Виноградная лоза!

– Верно, – поощрил дядя Гиго.

– Лоза. Знающий человек ее в герб наш грузинский вставил. В том гербе кто колосья рисует, кто лотосы-кокосы, а мы – лозу. А где наша грузинская лоза главным образом живет и благоденствует? В Кахетии. Ага. Вот вы не пошли на станцию, а жаль – сами бы все увидели... Я потомственный виноградарь, знаю, что говорю. В Грузии полтыщи сортов винограда, и почти все растут в Кахетии. Да что растут?! У нас и палка сухая растет. Для лозы что важно? Почва – раз. Припек. И климат. Когда много влаги, не любит. Но и сушь ей не по нутру. Солнце – да, но не сушь. Такая привереда! Как младшая в семье дочка, всеми избалованная, от родителей до соседей... Кахетинский виноград частью к столу идет, но большей частью на знаменитые грузинские вина. – Дядя Гиго попыхтел трубкой, зажмурился и стал, загибая пальцы перечислять: Кварели, Мукузани, Цинандали, Карданахи, Напареули, Телиани, Ахмета, – он говорил нараспев, с гулким кахетинским акцентом. – Ахашени, Тибани, Гурджаани... Это все нашенские городки и села, их знают во всем мире как названия вин. Тысяча медалей на разных конкурсах и сто из них золотые! Да еще Гре-

ми с Энисели не забудь. Понял, что такое Кахетия?.. Мало какое растение требует столько забот и хлопот, как лоза. И впрямь, ровно дитя! До пяти лет не плодоносит: только опрыскивай, ухаживай, окучивай да укутывай от заморозков; слава богу, у нас холода не часты! А как подрастет, да нальются гроздья – опять окучивай, опрыскивай, подвязывай, да обрезай лишние побеги, чтобы впустую сок по жилам не разбежался. И при этом смотри на небо: как там? Дожди – плохо. Со всем без дождей плохо. Но всего хуже, коли после засухи градом ударит. Бывали случаи, когда град, как фашистский самолет из пулемета, виноградники косил, едва треть выживала. Не знали люди, как с такой бедой быть, и что придумали: в Кахетии при первых же градинах из домов выбегают первенцы – дети молодости; взрослые, юные, малые – все, хватают те градины с земли и бросают за пазуху! По примете, если первенцы растопят градины за пазухой, град растает и превратится в дождь... У нас много всяких примет, с лозой и виноградом связанных – и при посадке, и на ртвели... Вот на западе, я слышал, во время сбора урожая на голенького мальчугана кисть винограда выдавливают, и так он и бегаеет между лозами, сладкий и голенький. А у нас не так. У нас, как срежут последнюю гроздь, полагается цветущую молодку

повалить в междурядьях... Вот ведь чего удумали... Да я про град-то не досказал. Долго виноградарь были перед ним беззащитны. В каждую пятилетку хоть раз урожай располовинивал. Наконец, додумались ученые, изобрели противогородовые ракеты – слышал? Не все ж ракеты бомбами заряжать, добрых людей путать. Теперь такая служба по всей Кахетии: как поползут после засухи из-за гор лиловые облака, метеорологи сразу за свои приборы, определяют чем то облако набито – дождем али градом. Ежели градом – расстреливают из ракет. С шипением и свистом. Туча не сдается, гремит, молнии сверкают. Прямо война! Только мирная. Ради урожая... Вот, мой дорогой, что такое Кахетия, – дядя Гиго замолчал, попыхивая трубкой. – Мы вот с женой после сбора урожая приезжаем к детям в город зиму скоротать, а как в феврале солнышко пригреет – назад! Лозу обихаживать, чтоб ей цвести и не отцветать! Ну все... – он наклонился к камину, сплюнул неторопливо и встал. – Хватит, пожалуй, а то разговорюсь – не уймете. Я ведь не имеретинский краснобай. У меня слова грубые, кахетинские. От них уже мозоль на языке. Ступайте с богом, голуби. Набивайте фруктов за пазуху сколько влезет и ступайте. А мы со старухой новости в телевизоре послушаем. Теперь новости – самое интересное.

ИЛЬЯЗД & ПИКАССО. ИЗДАТЕЛЬ И ХУДОЖНИК

Ирина ДЗУЦОВА

Осенью 1920 года с разрешения Комиссии искусств при Учредительном собрании Грузии Илья Михайлович Зданевич выехал в Париж с целью продолжения учебы. Как оказалось, уехал он навсегда. Позади остались бурные годы творческого кипения, знакомство и встречи с Нико Пиросмани, родители, друзья. В общем, 26 лет жизни.

Приняв во Франции псевдоним Ильязд, он завоевал известность как поэт, писатель, издатель, книжный дизайнер. Здесь он стал председателем Союза русских художников, устраивал балы и вечера, познакомился со многими известными деятелями французской культуры – Леже, Кислингом, Сюрважем, Тсара, Сандрааром, Рибмон-Дессенем...

Знакомство в 1922 г. с Пабло Пикассо переросло в многолет-

нюю дружбу и совместную издательскую деятельность.

В 1940 г. Ильязд завершил сборник своих семидесяти шести сонетов «Афет» с офортами Пикассо. Это была первая из девяти книг, подготовленных им совместно с художником. Три сонета посвящены их дружбе, но «Афет» – это гимн женщине и ее красоте. Интересно, что Ильязд – единственный, кто мог навязать Пикассо свою творческую волю. «Афет» вышел в свет в 1949 г. тиражом в 64 экземпляра с шестью гравюрами на меди Пикассо. Гравюры имели необычный горизонтальный формат – альбомный.

Второй совместной книгой поэта и художника стала «Письмо», вышедшая в Париже в 1948 г. в количестве 66 экземпляров. Шесть иллюстраций для этой книги (четыре офорта и две

гравюры в технике сухой иглы) Пикассо изготовил весной 1947 г. На двух офортах изображена женская фигура с чертами музы художника Франсуазы Жило. Сама книга «Письмо» посвящена Ольге Джорджадзе, дочери князя П. Щербатова и княгини А. Барятинской, супруге князя Мераба Джорджадзе. Макет издания создал сам Ильязд: это футляр из пергамента в форме конверта. Внутри листы располагались таким образом, чтобы текст по смыслу сочетался с изображением. Один экземпляр книги принадлежал последней жене Пикассо, Жаклин Рок. Еще один экземпляр в числе других материалов семейной коллекции О. Джорджадзе передана в 1989 г. Государственному музею искусств Грузии.

С Ильяздом Ольга познакомилась в 1946 г. Их дружба

П. Пикассо. Иллюстрация к изданию Ильязда Afat. 1940

переросла в близкие творческие и личные отношения. Ольга стала инициатором идеи поэмы «Письмо».

Однажды в букинистическом магазине в Париже Ильязд обнаружил книгу Адриана де Монлюка «Худая», написанную в 1630 г. Заинтересованный необычным лексическим стилем автора, Ильязд решил опубликовать отдельные сюжеты из книги и предложил Пикассо создать иллюстрации к ней. В апреле 1951 г. Пикассо изготовил десять офортов в технике сухой иглы. В 1952 г. книга вышла тиражом в 75 экземпляров. Текст сверстал сам Ильязд, он же реализовал необычную структуру книги с чередованием текста и иллюстраций. Книга стала важной вехой в издательской деятельности Ильязда, а современники называли ее одним из лучших изданий Франции своего времени.

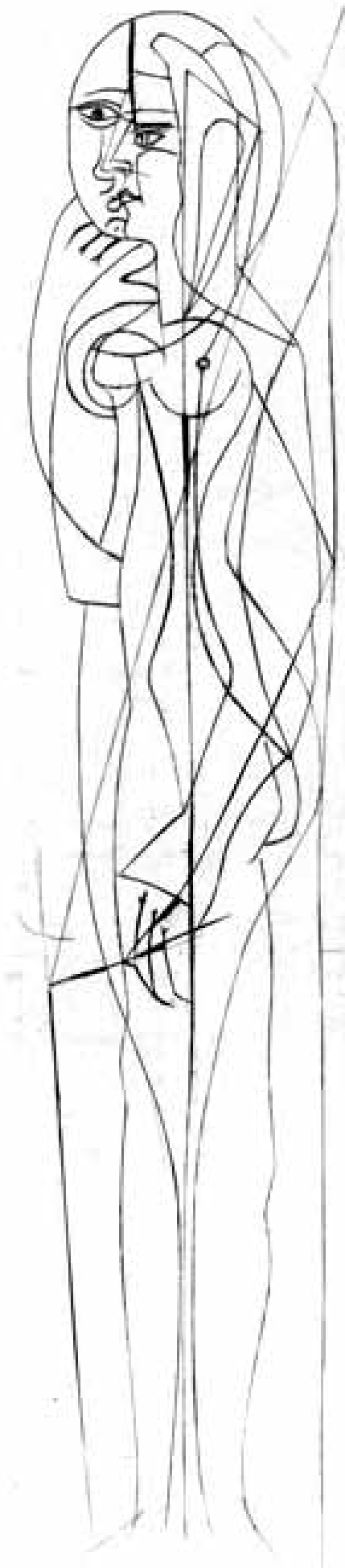
В 1877 г. Маркос Хименес де ла Эспада и Пьер Маргри издали книгу о путешественнике XIV века, который побывал в Африке и описал ее пейзажи. Восхищенный этим описанием и увлеченный африканским искусством, Ильязд перевел текст с испанского на французский язык и дал необходимые пояснения в предисловии книги, изданной в 1959 г. Художественное оформление осуществил Пикассо, как известно, живо ин-

тересовавшийся африканским искусством. Пикассо изготовил восемь офортов, разместив их на разворотах с изображением обитателей Африки и ее пейзажей под названиями: «Пустыня», «Люди», «Покоритель зари», «Женщины», «Вниз по реке», «Цветы». Один офорт помещен на пергаментной обложке. Еще восемь офортов узкого формата Ильязд поместил в тексте книги. Сам текст Ильязд сверстал с различными интервалами между буквами.

В 1968 г. Ильязд издал свою поэму «Памяти Роже Лекурьера» в количестве 85 экземпляров с тринадцатью офортами известных французских художников, в том числе, Пикассо, Миро, Сюрважа, де Сегонзака, Эрнста, Дерена, Джакометти, Маркусси... Роже Лекурьер прославился как замечательный мастер печатного дела XX в. Созданная им в 1929 г. печатная мастерская на Монмартре была известна не только во Франции, но и во всей Европе. Почти всю графику для своих книг Ильязд печатал у Лекурьера. В память о своем друге и участнике многих его проектов Ильязд и решил издать эту книгу.

В 1969 г. в Лувре состоялась выставка шестидесяти работ Нико Пиросмани. Часть из представленных произведений ранее принадлежала Ильязду,

П. Пикассо. Иллюстрация к изданию Ильязда «Письмо». 1948

П. Пикассо. Портрет Нико Пиросмани

одному из трех первооткрывателей художника. Он посетил выставку, и, возможно, она подтолкнула его к идее о публикации на французском языке своего текста о Пиросмани, опубликованного в тифлисской газете «Восток» 29 июня 1914 года. Ильязд предложил Пикассо сделать для будущего издания офорт с изображением Пиросмани. Художник выполнил просьбу друга, опираясь на рассказы Ильязда о Пиросмани. Но, думается, французского художника вдохновила и показанная ему Зданевичем карикатура на Пиросмани, опубликованная в газете «Сахалхо пурцели» 10 июля 1916 г. Об определенном сходстве сюжета и композиции (Пиросмани стоит перед мольбертом с палитрой и кистью в руках) в карикатуре и офорте в 1999 г. писал французский исследователь творчества Ильязда Режис Гейро (каталог выставки Пиросмани в Музее изящных искусств г. Нанта, Франция). Если это так, жаль, что Пикассо вдохновила на создание офорта уродливая и во всех смыслах нелепая карикатура – по-видимому, фотографии Пиросмани у Ильязда не имелось.

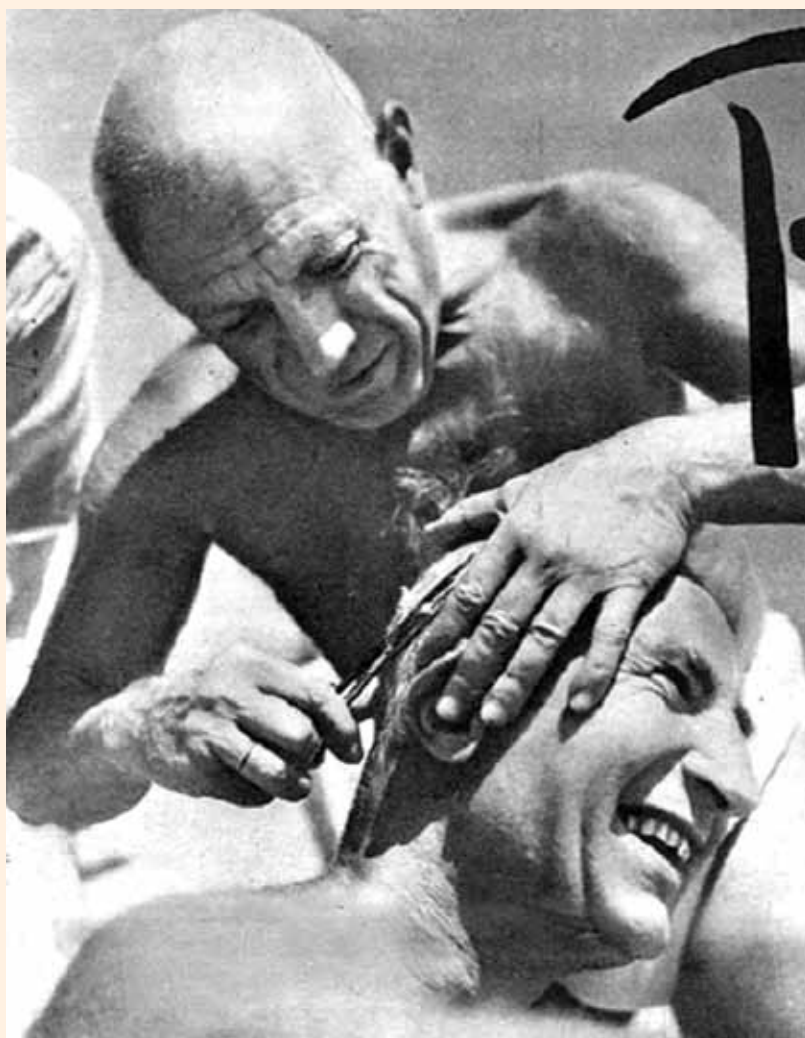
Над текстом будущей книги

Ильязд работал в Тригансе (деревня в Провансе). В сентябре 1972 г. он вернулся в Париж, и уже в декабре книга «Пиросманашвили 1914» была издана тиражом в 78 экземпляров. Она стала последней совместной работой Ильязда и Пикассо, скончавшегося через четыре месяца после выхода книги.

Офорт Пикассо сухой иглой расположен на развороте книги. Образ Пиросмани создан штрихами, линиями, изломами и сдвигами.

В 1998 г. к 80-летию со дня смерти Пиросмани в Грузии была выпущена почтовая марка

ности в Париже Ильязд издал двадцать одну книгу, почти все – под грифом «Сорок первого градуса» (авангардной группы футуристов, основанной в 1918 г. в Тифлисе Илей и Кириллом Зданевичами, Игорем Терентьевым и Алексеем Крученых). Автором шрифтовых решений и общего дизайна являлся Ильязд. Он заказывал художнику иллюстрации, определял их количество, размеры и характер изображений, разрабатывал макет книги. Благодаря своему авторитету в парижской художественной среде, Ильязд привлекал к своим издательским

Пабло Пикассо стрижет Ильязда. Лазурный Берег. 1947

с офортом работы Пикассо.

Книга «Пиросманашвили 1914» стала еще одним важным свидетельством творческого содружества Ильязда и Пикассо. Один открыл Пиросмани, а другой – Анри Руссо.

За тридцать пять лет деятель-

ностям известным художников, поэтов и издателей.

Поэт, публицист, теоретик футуризма, издатель – таким разносторонне одаренным Ильязд остался в истории искусства XX века.

«ЧУДАЧЕСТВА НА МИГ» И «ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Мое поколение выросло на драматургии Алексея Арбузова. В прямом смысле этого слова – выросло. Мы не только смотрели спектакли по его пьесам в разных театрах – нам были доступны и телеверсии. И все впечатления, конечно, были связаны с определенными режиссерами, актерами, раскрывавшими для нас, зрителей, совершенно особенный мир драматурга. Ничем не вытеснить из памяти глубокий фильм «Таня» Анатолия Эфроса с неповторимой Ольгой Яковлевой в заглавной роли, который сравнивают с поэзией. Или спектакль вахтанговцев «Иркутская история» в постановке Евгения Симонова, где блистала Юлия Борисова – именно ей Арбузов посвятил свою пьесу. «Сказки старого Арбата» с превосходными актерскими работами Бруно Фрейндлиха и Юрия Толубеева на сцене ленинградской Александринки. «Вечерний свет» – «солнечный» дебют молодого Романа Виктюка на столичной

сцене – сцене театра имени Моссовета. Кинофильм Татьяны Савельевой и Татьяны Березанцевой «Старомодная комедия» с великолепными Алисой Фрейндлих и Игорем Владимировым... Разве это забудешь?

Все положительные персонажи Арбузова немного не от мира сего, оторванные от земли идеалисты, потому что сфера духовного и область материального у них никогда не пересекаются. Возможно, нашим современникам они кажутся в чем-то действительно старомодными – сегодня так не думают, так не выражают свои мысли, так не чувствуют... Да и мечты стали совсем другими. И тем не менее невозможно не ностальгировать по чистоте, открытости, светлому мироощущению в соединении с печалью – порой очень острой, пронзительной, по какой-то фантастической свободе его героев от быта. Главная тема пьес Арбузова – поиск его персонажами смысла жизни, стремление постичь ее суть и

обрести себя. Высокие цели! Совершенно особенным, близким каждому делает творчество Арбузова сочетание камерной, интимной формы и глубоких философских размышлений, мягкой иронии и доброго юмора.

Грибоедовцы впервые встретились с драматургией Арбузова в 1948 году. Актер и режиссер Иван Бодров поставил пьесу «Встреча с юностью», оформил спектакль известный художник Василий Шухаев. Но настоящее знакомство с творчеством Алексея Арбузова произошло чуть позднее, когда Александр Такашвили обратился к одной из лучших его пьес «Таня» – она и сделала драматурга знаменитым на весь мир. В роли Тани выступила будущая легенда тбилисской русской сцены, а тогда еще молодая дебютантка Наталья Михайловна Бурмистрова.

Приведу отрывок из книги «Она была звездой», вышедшей в серии «Русские в Грузии»:

«Что будем играть дальше?» – спросил Наташу Бурмистрову Александр Такашвили. Бурмистрова назвала пьесу, которая стала для нее талисманом: «Таня». Она сыграла эту роль, а на следующий день, как говорят, проснулась знаменитой. Спектакль «Таня» шел на грибоедовской сцене в течение 5-6 лет с неизменным успехом. Рецензенты с восхищением отзывались о новой роли молодой актрисы. «Успех «Тани» в театре имени Грибоедова – это прежде всего успех исполнительницы заглавной роли арт. Н. Бурмистровой. Дело не в том, что трепетная, лиричная Таня – Бурмистрова – хорошо, а иногда и безукоризненно проводит те или иные сцены – с первой же роли, сыгранной на сцене тбилисского театра, Н. Бурмистрова зарекомендовала себя как актриса незаурядного таланта. Главное, Н. Бурмистрова, не поддаваясь таниному обаянию, смогла предъявить ей статью из морального кодекса. Понимание актрисой Тани совпало с правильным режиссерским раскрытием авторского замысла», – отмечает К. Шахбазов на страницах газеты «Молодой сталинец» (1948 г.). Восторженно пишет о работе Натальи Бурмистровой Шалва Буачидзе в сво-

Наталья Бурмистрова в роли Тани

ей рецензии «На новом творческом этапе» («Заря Востока», 1948 г.): «Роль эта – сложный, но заманчивый материал для актера. Таких ролей в нашей драматургии не так уж много. Роль Тани исполняет артистка Н. Бурмистрова, работающая в театре второй сезон. Она вдумчиво подошла к решению своей трудной задачи. Чувствуя некоторую искусственность и двойственность образа, Бурмистрова не сразу раскрывает внутреннюю сущность Тани. На сцене появляется милая, привлекательная девушка, трогательная в своей любви к Герману, наивная в своих стремлениях, но все же от нее веет каким-то холодком. Сразу не видно, что в ней заложены необычайные духовные силы, что она не только «обычный человек», но прежде всего сильная, целеустремленная натура. Начиная со второго действия, Тانيا в изображении Бурмистровой духовно вырастает. В спектакле дается ряд эпизодов с ее участием, и в каждом Тانيا предстает перед зрителем в новом облике. Большой выразительности достигает Н. Бурмистрова в последнем действии – в сценах смерти ребен-

ка и встречи с Германом. Артистка верно и глубоко поняла внутренний мир своей героини, ее чистоту, благородство. Краски, которыми она пользуется, богаты и разнообразны. Успех спектакля, безусловно, во многом обязан ее артистическому мастерству».

Именно роль Тани в одночасье сделала Бурмистрову любимицей тбилисского зрителя. Какое-то время актрису даже не называли в Тбилиси ее настоящим именем, а говорили: идите на такой-то спектакль, там играет Тانيا... И еще один факт: в семейном архиве Н. Бурмистровой хранились письма от бойцов Великой Отечественной, в которых они называют ее «наша Тانيا». Вот отрывок из такого письма: «Дорогая Тانيا! Вчера смотрели твой спектакль, а сегодня мы идем в бой сражаться за Таню, ради которой стоит жить, бороться и побеждать. Пожелай нам победы!»

В 1960 году Наталья Бурмистрова сыграла еще одну арбузовскую героиню – Валю из «Иркутской истории», и была в этой роли свежа и органична.

Режиссер Александр Гинзбург на страницах «Зари Востока» высоко оценил не только «большую оригинальную работу» (речь шла об «Иркутской истории») своего коллеги по творческому цеху Анатолия Випмана, но и актерский вклад в нее. В частности, исполнительницы главной роли: «Что сказать о заслуженной артистке Грузии Наталье Бурмистровой?

Ее героиня в начале – простая девушка, живущая в свое удовольствие и не слишком задумывающаяся над жизнью. И вот постепенно, от картины к картине, она меняется, растет, становится подлинным человеком. Прекрасно проводит актриса трагическую сцену, когда Валя, узнав о гибели Сергея, бежит к реке: скупыми, но выразительными штрихами рисует она безмерную тяжесть горя, обрушившегося на нее» («Заря Востока», 1960 г.). Режиссер спектакля А. Випман был очень доволен работой актрисы, о чем свидетельствует его надпись на программке к спектаклю: «Молодец, Наташа! Думаю, это этапная роль в Вашей творческой биографии и большой, настоящий успех!».

Забегая вперед, вспомним еще одну заметную арбузовскую героиню Бурмистровой, которую она сыграла в 1982 году в спектакле «Старомодная комедия». Она вышла на сцену в дуэте с народным артистом Грузии Михаилом Иоффе. Постановку осуществил Гурам Черкезишвили. Наталья Бурмистрова с азартом играла Лидию Васильевну, «постепенно оттаивающую и расцветающую от нежданно-негаданно обретенной «поздней» любви». Зрители старшего поколения помнят, с какой легкостью и изяществом актриса танцевала, пела.

После довольно длительной, десятилетней паузы, в 1970 году Грибоедовский вернулся к драматургии Алексея Арбу-

А. Арбузов на премьере спектакля «Сказки старого Арбата». 1970

зова – Котэ Сурмава поставил «Сказки старого Арбата». Прочитав рецензию Надежды Шалуташвили, опубликованную на страницах газеты «Вечерний Тбилиси»: «Алексей Арбузов – драматург поэтического видения, он поразительно тонко чувствует прекрасное в жизни, в людях, мир его героев наполнен не только большими страстями, конфликтами, но и поэзией, ее очарованием и романтикой... Спектакль переносит нас в переулки старой Москвы, в мастерскую театрального художника-чародея. За окнами шумит и грохочет современный большой город, а здесь, в этой огромной комнате, заполненной странными сказочными существами, куклами, масками, с ее причудливым освещением, идет своя жизнь, подтверждающая, что даже в наш рациональный, практический век люди не могут жить без мечты, без стремления к прекрасному. Спектакль радует прекрасным ансамблем, все актеры играют увлеченно, взволнованно, и при великолепном оформлении Евгении Донцовой, в окружении этих изумительных кукол, рождается та атмосфера спектакля, когда начинаешь верить в появление сказочной феи».

Одну из своих лучших ролей – Федора Балясникова – в спектакле сыграл недавно пришедший тогда в театр Грибоедова Ефим Байковский и сразу завоевал симпатии тбилисского зрителя. Пресса отмечала не только его яркие внешние данные, выразительный голос, но и тонкий психологический анализ, умение раскрыть характерность образа. «Е. Байковский в своем герое, бывшем фронтовике, художнике-кукольнике Балясникове, увидел мужественного и талантливого человека с насмешливым умом, часто сумбурного и стихийного, способного на самые неожиданные, казалась бы, противные житейской логике, поступки».

«Чужацтва на миг» – это возвращенная молодость Балясникова. «Поиски счастья всегда интересней, чем само счастье», – говорил он. По мнению театральной критики, если философский смысл роли кукольника заключается

в романтике его чудачеств, то гражданский ее смысл – в его вдохновенном творчестве, юношеской энергии созидания: «Человек рожден, чтобы уставать!» Эта энергия, увлеченность, наконец, непримиримая борьба с возрастом, и составляют основные слагаемые образа Федора Балясникова, сыгранного Байковским.

Достоинным партнером Ефима Байковского был замечательный актер Даниил Славин в роли приятеля Балясникова – Христофора. «Он добр, по-детски наивен и непосредствен. Актер раскрывает внутреннюю красоту этого несурзадного, хлопотливого человека, поразительно бескорыстного, как бы светящегося мягкостью, юмором. А рядом – женственная и обаятельная Нелли Килосанидзе в образе Виктоши», – отмечает Н. Шалуташвили.

Как отмечает автор рецензии, актриса с большим тактом играет сцены с Балясниковым, показывает душевную щедрость, стремление к неожиданному, необычному, что и покоряет ее героиню в мире, окружающем Балясникова. Виктоша в ее исполнении поражает своей молодостью, восторженностью, беспечностью и поэтическим миром чувств» (Н. Шалуташвили. «В поэтическом мире». «Вечерний Тбилиси», 1970 г.). В роли Виктоши в этом спектакле выступала и другая замечательная актриса – Ирина Квицинадзе.

Сохранилась фотография, запечатлевшая постановочную группу «Сказок» вместе с драматургом Алексеем Арбузовым, приехавшим на премьеру.

Через два года театр вновь обратился к драматургии Арбузова – к водевилю-мелодраме «В этом милом старом доме». Поставил спектакль Гига Лордкипанидзе.

Работа над пьесой началась за несколько месяцев до премьеры, в тот день, когда Алексей Арбузов лично передал пьесу главному режиссеру театра Г. Лордкипанидзе – то есть, предоставил право первой постановки. «Случилось так, видимо, потому, что драматургу понравились «Сказки старого Арбата», и особенно

Ефим Байковский в роли Гусятникова

интерпретация образа главного героя пьесы – Балясникова артистом Е. Байковским», – делится предположением автор публикации Л. Прага на страницах газеты «Заря Востока». На этот раз в основу своего образа актер положил романтическую приподнятость, что позволило придать положительным чертам героя, чудака Гусятникова особую благородную окраску. Партнерами Е. Байковского были Н. Бурмистрова и В. Захарова. Судя по публикации, спектакль, решенный Г. Лордкипанидзе в форме концертного исполнения, получился «не только смешным, но и умным».

Одну из главных ролей вновь доверили Нелли Килосанидзе, и актриса создала совершенно неожиданный образ. Об этом пишет журналист Ю. Бидерман в своей публикации «Театр ставит Арбузова»: «Виктоша Е. Килосанидзе очень трогательна, очень задорна и очень поэтична. И вдруг – Нина Бегак! Образ во втором арбузовском спектакле театра даже эксцентрический, где актриса стремится спрятать обаяние своей героини, ибо автор строит пьесу на контрастах. Виктоше – двадцать, Нине – тридцать, и борьба за личное счастье обретает

Приезд Алексея Арбузова в Тбилиси на премьеру спектакля «Жестокие игры». 1978

особый оттенок. Но главное – Е. Килосанидзе очень точно разложила по полочкам психологию арбузовских образов».

«Меня считали лирической актрисой, с легким комедийным уклоном, – говорит актриса. – Помню постановки по пьесам А. Арбузова – «Сказки старого Арбата» и «В этом милом старом доме». В спектакле «В этом милом старом доме» у меня была абсолютно характерная, очень смешная роль. Мой первый выход: я выскакивала на сцену с чемоданом и сразу падала плашмя на пол. Так со мной знакомился зритель, и вся роль была построена на юморе».

В 1978 году Александр Товстоногов, режиссер новой формации, поставил с грибоедовцами одну из поздних пьес Арбузова «Жестокие игры». Язык, образный строй, оценки драматурга стали более жесткими – прямо в соответствии с названием этого произведения. Пьеса приобрела широкую известность, в первую очередь, благодаря знаменитому спектаклю Марка Захарова в «Ленком». Очень популярной была и версия Тбилисского театра имени Грибоедова – между прочим, первая в Союзе постановка пьесы Алексея Арбузова.

«Когда я писал «Жестокие игры», – вспоминал драматург, – я думал вот о чем: все мы стоим на маленьком плацдарме, бывает в горах такая площадочка, когда забираешь-

ся на самую вершину, и там можно стоять вчетвером, даже впятером. Только нельзя делать резких движений, чтобы не столкнуться кого-нибудь в пропасть. По существу, это образная картина нашей жизни. Боль от неосторожного движения, которого ты сам не замечаешь порой, может принести гибель, нравственную или физическую, близкому тебе человеку» (И. Монисова. Предисловие к книге А. Арбузова «Таня. Жестокие игры», 2011 г.).

Разумеется, в репертуаре грибоедовцев «Жестокие игры» появились не случайно. В ней вновь были остро поставлены нравственные проблемы формирования личности, поиска смысла жизни – эти темы волновали создателей спектакля, прежде всего – главного режиссера театра того периода Сандро Товстоногова.

Молодые люди, которые подчеркнута отстаивают свою независимость, остерегаясь брать на себя ответственность за жизнь близких людей, в определенный момент понимают бессмысленность такой свободы. Разочарованные, обиженные или бездумно скользящие по жизни Кай (В. Гордиенко, позднее – И. Пилиев), Терентий (А. Буклеев), Никита (В. Харютченко) сохраняют в себе жажду чистоты и подлинности. И это, как катализатор, проявляет в них живая, доверчивая душа Нелли, сыгранной С. Головиной. В

«Старомодная комедия»

«Жестоких играх» проявляется социальный оптимизм, свойственный тбилисскому театру, свободный от упрощенного, плоского понимания жизни», – писали ленинградские рецензенты Н. Николаюк, Л. Яковлева (Пусть встречи станут традицией. «Смена», 1979 г.).

Театровед С. Пономарева после гастролей театра в Сочи в обзорной статье «На сцене – современники» пишет: «Спектакль «Жестокие игры», с которого началось гастрольное, стал визитной карточкой тбилисцев. Театр, возглавляемый заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР А.Г. Товстоноговым, не случайно взял эту новую пьесу ведущего советского драматурга: в ней по-современному остро поднимаются серьезные нравственные проблемы. Спектакль производит яркое, цельное впечатление, он поставлен с хорошим ощущением формы» (На сцене – современники. «Черноморская здравница», 1979 г.).

С. Пономарева увидела в товстоноговских «Жестоких играх» взволнованный разговор о том, для чего человеку жизнь

дана и как надо жить... По мнению автора, этой теме, постоянно волнующей тбилисский театр, посвящены и шукшинские спектакли. «Здесь рассказывается и об измене человека самому себе, и о нежелании подчиняться мелочности будней, поисках гармонии жизни. В остросатирических сценах много иронии, гротеска, эксцентриады, иногда режиссерская и актерская фантазия переплескивается через край – но когда затихает смех, у нас остается чувство горечи и гнева по адресу развенчанных

сти к жизни, к окружающим. К финалу спектакля финишируют и игры. Игра – это, в конце концов, всегда противоборство, она хороша на спортивной площадке, а в жизни предпочтительнее сотрудничество, взаимопонимание и любовь. И заключающий спектакль танец воспринимается уже как апофеоз любви. «А я жду, а вдруг явится кто-нибудь», – говорит один из героев пьесы. И поэтому в его квартире всегда открыта дверь» (И. Химшиашвили. Осторожнее – жизнь! «Заря

«Жестокие игры»

театром «героев».

Тбилисский театральный критик Ираклий Химшиашвили отмечал в «Жестоких играх» интересный режиссерский ход, разбивающий некоторую камерность сюжета: хореография, вплетенная в ткань спектакля, не только составляет эмоциональный фон действия, но и придает ему черты литургической драмы.

«Поиск собственного жизненного опыта, который ведут герои методом проб и ошибок, в конечном счете оказывается дорогой к другим людям, и лежит она не через отмщение – око за око, а через прощение, забвение причиненной тебе боли, через обретение внимательно-

Востока», 1978 г.)

Представим ли Арбузов с его поэтичностью, романтическим мироощущением и нравственным пафосом на современной сцене? Представим, если театры вновь и вновь обращаются к его текстам. Некоторые исследователи утверждают, что пьесы Арбузова не надо специально приспосабливать к новой исторической реальности, потому что их проблематика, конфликты, образы вечны, они не могут устареть, поскольку не укоренены в определенной социально-исторической среде. А может, все дело в той самой ностальгии по потерянному раю?

ДОРОЖЕ ВСЕХ БРИЛЛИАНТОВ

■ **Светлана СИНАТАШВИЛИ**

Взгляните на фото. Рассмотрите внимательно. Рассмотрели? Почувствовали легкий озноб восторга и необъяснимую радость? Уверена, что да.

Перед вами – работы первой в Грузии женщины-кузнеца Майи Мирзиашвили.

Эти произведения недавно были представлены на ее первой (и, увы, единственной) персональной выставке в Silk Factory Studio. Куратор выставки – галерист Лика Хаиндрава, режиссер перформанса открытия «Амазонки» – Лела Чинчараули. В перформансе участвовали актеры «Джибис театри» («Карманного театра»), которые выступили живыми манекенами для удивительных украшений, созданных Майей Мирзиашвили.

Каждое украшение – это особая история, божественный код, зашифрованное послание, которое дышит, беседует с тобой, делится своей силой и благословляет.

Жила в Тбилиси красивая девушка по имени Майя. Хорошо рисовала и лепила. Научилась у отца работать с деревом. Сама освоила обработку кожи, камня, перламутра, меди, черных и цветных металлов, мастерски сочетала эти материалы друг с другом, в одном украшении. Она осуществила мечту детства – создавать из простых природных материалов шедевры, подобных которым пока никто не делал.

Декоративно-прикладное искусство Грузии славится во всем мире, и оно узнаваемо, что самое главное. Но то, что создавала Майя, не имеет аналогов. Такого еще никто и никогда не представлял миру.

Женщина-кузнец. А такое бывает? – удивитесь вы. Почему бы и нет? Есть женщины-дирижеры. Женщины-дальнобойщики тоже есть. В Венеции живет первая сертифицированная женщина-гондольер. В Голливуде работает женщина-стеклодув Элисон Бергер, она в совершенстве владеет этим ис-

Майя Мирзиашвили

кусством. В Грузии есть женщина-пилот, очаровательная Надя Бенклян. А в Украине – Татьяна Бейдек, единственная на всю страну женщина-пилот, которая даже выиграла чемпионат Украины, оставив позади всех мужчин. Есть женщины-телохранители (бодигарды) – внешне хрупкие, но идеально владеющие боевыми искусствами. Женщина-купец тоже уже не редкость. И женщина-смельце стала обычным явлением. Но женщина-кузнец, согласитесь, это что-то невероятное.

Сотни посетителей выставки в Silk Factory Studio получили уникальную возможность открыть для себя эту необычайно одаренную грузинскую художницу, о которой прежде мало кто знал. И эта выставка прошла, к величайшему сожалению, без нее, потому что в 2018 году Майи не стало.

На наши вопросы о талантливом мастере согласилась ответить художница Чибу Дудашвили, подруга Майи.

– Какой она была, Майя Мирзиашвили?

– Очень позитивным и жизнерадостным человеком, полностью погруженным в свое творчество.

– Как все начиналось?

– У ее отца, инженера, было хобби – в свободное время он создавал необычные изделия из дерева, то есть, занимался прикладным искусством. Майя заинтересовалась работами отца, еще учась в школе. Решила попробовать себя в этой сфере. В 16 лет участвовала в выставке,

которая проходила в Доме работников искусства в Тбилиси. Будучи студенткой Академии художеств, Майя уже выработала свой неповторимый стиль. Она работала по дереву и металлу, применяя инкрустацию из серебра и перламутра.

– Были ли у нее ученики, последователи?

– Учеников не было. Художникам всегда хотелось научиться тонкостям ее мастерства. Некоторые до сих пор пытаются дойти до всего того, в чем Майе не было равных.

– Как Майя создавала свои шедевры?

– Она могла работать над своими украшениями днями, не выходя из мастерской, целиком отдаваясь творчеству.

– Глядя на изделия Майи, ловишь себя на мысли, что каждое несет в себе определенный посыл.

– В каждой ее работе заложена

своя архаистическая история. В них использованы авторские символы солнца, движения, вечности.

– Как отзываются о ее творчестве эксперты?

– Они утверждают, что работы Майи Мирзиашвили – это национальное достояние в сфере искусства. Ее творения бесценны. – Выставлялась ли она при жизни?

– Персональной выставки не было, эта – первая. Но Майя не раз участвовала в групповых выставках и конкурсах. В студенческие годы заняла первое место на конкурсе в городе Выборг, затем последовали выставки в Испании, Франции и на родине, в Грузии.

– Есть ли у вас своя история, связанная с творчеством Майи?

– Всем нравились работы Майи, и все мечтали получить от талантливой художницы кусочек эксклюзивного чуда. К счастью,

у меня и у всех Майиных подруг остались частички ее души. Однажды я потеряла кольцо – подарок Майи, которое она сделала лично для меня, вложив в него особенный смысл. Я никогда не выходила из дому без этого талисмана. Обнаружив пропажу, я была в панике. Меня не покидало стойкое ощущение, что я нагая, незащищенная, одинокая, и, если не найду пропажу, случится что-то ужасное. Я вышла на улицу и прошла через все места, где была в течение дня. Даже в мусорном контейнере рылась. Знакомые сочувственно спрашивали: «Бриллиантовое было кольцо?» Я в ответ кивала, ведь для меня оно было дороже всех бриллиантов на свете, вместе взятых. К счастью, поиски увенчались успехом, и высшие силы вернули кольцо, которое до сих пор является для меня символом нерушимой связи между друзьями и двумя мирами – духовным и материальным.

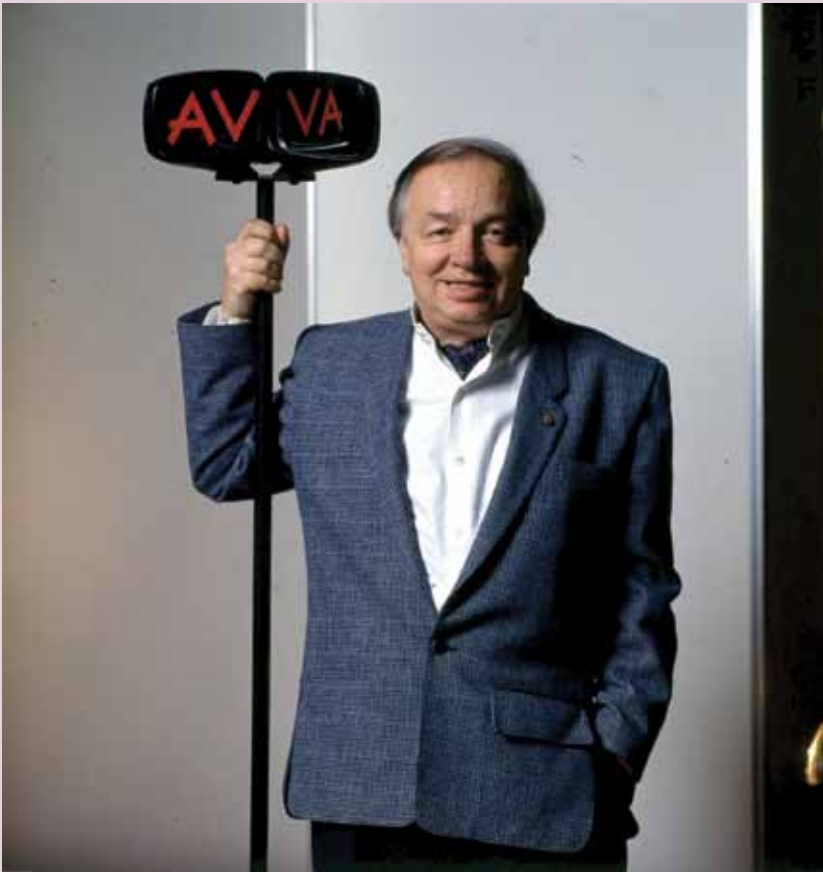
А вот что рассказала о Майе ее другая подруга, Лия Садагшвили, художник-живописец.

– Майя училась на факуль-

тете дерева и металла, я – на факультете живописи. У Майи на курсе были одни парни. И они очень трепетно относились к единственной однокурснице и всячески ее оберегали. Майя всегда окружала себя интересными, неординарными людьми. Никогда ни о ком не отзывалась плохо. Напротив, всех считала одаренными и неповторимыми... Узнав о страшном диагнозе, мы ужасно переживали, а Майя нас успокаивала. Когда мы пришли проведать ее после курса химиотерапии, она встретила нас восторженным возгласом: «Посмотрите, как мне подходит новая стрижка!» И вы знаете, она не играла. Она никогда не играла. Она была жизнерадостной от природы. И очень верующей. Чувствовала свою близость к Создателю и смиренно принимала все, что он ей посылал. Между прочим, Майко хорошо разбиралась в народной медицине. Говорила, например, что не все деревья можно обнимать. Хвойные лучше вовсе не трогать. А свои шедевры создавала только из дуба или ореха... Первой женщиной-

кузнецом ее признали преподаватели еще во времена студенчества. Сама Майко этот титул воспринимала с юмором. Украшения, которые она подарила нам, своим подругам, всегда привлекают внимание окружающих, вызывая у них эстетический шок. Взглянув на них и во второй, и в третий раз, вы испытаете такое же сильное потрясение, как и в первый раз. Привыкнуть к ним просто невозможно. Уверена, что о Майе Мирзиашвили должны узнать все. Все люди во всех странах мира. Ее искусство принадлежит всем. Но, в первую очередь, оно – культурное наследие Грузии. В Государственном музее нужно найти достойное место для экспонатов этой необыкновенной выставки первой женщины-кузнеца Майи Мирзиашвили.

Жила-была в Тбилиси красивая и талантливая девочка Майя. С детства она мечтала создавать такие украшения из дерева, камня, кожи, металла, подобных которым не будет ни у кого в целом свете. И она создала их, эти шедевры...

«ВО МНЕ ТЕЧЕТ И ГРУЗИНСКАЯ КРОВЬ»

■ **Нина ШАДУРИ**

«Через Грузию неизбежно проходят в сердечном плане русские поэты», — отмечал Николай Тихонов. «В года веселые и грустные нас судьбы общие взрастили, и золотые музы Грузии дружили с музами России», — откликнулся Андрей Вознесенский.

«О творчестве Андрея Вознесенского написано много научных и критических работ, — читаем мы в статье И.В. Федоровой под знаковым названием «Сакральное родство». — В наследии поэта особым образом выделяется тема Грузии. С ней Вознесенского связывали события фактические и метафизические. Поэт неоднократно посещал Грузию, в Грузии было издано несколько его книг, воспоминаниям о Грузии посвящены многие стихотворения поэта... Так случилось, что Грузия явилась в жизни Вознесенского

не только близкой сердцу стороной. Солнечная Иверия была для него второй отчизной, постигая которую, он находил ответы на важные вопросы».

В Грузии поэт находил уют в дни гонений, заработок в дни безденежья, дружбу в дни одиночества. Он много путешествовал по нашей стране, изучал историю грузинского православия, памятники искусства, посвящал Грузии прекрасные строфы, называл ее своей второй родиной, переводил на русский язык стихи грузинских поэтов. Сюда он приезжал и тогда, когда его «любимая Грузия, жертвенная страна» сама нуждалась в помощи и поддержке. Вспомните, поэт откликнулся на ужасные тбилисские события 9 апреля 1989 года пронзительными строками, которые написал уже 15 апреля! Скорбный молебен по страдающей Сакартвело

был им написан на сороковой день после трагедии... За пять лет до ухода из жизни он пишет поэму «Возвратитесь в цветы». И мы читаем: «Позабудутся узи. Останутся фрезии. Останется Грузия, как орган поэзии».

«Во мне течет и грузинская кровь», — говорил Андрей Вознесенский в интервью корреспонденту одесской газеты. — Жаль только, что здорово разбавленная». Действительно, прапрадед Вознесенского, грузин, после Имеретинского восстания шестилетним мальчишкой был вывезен из Грузии в Россию в числе заложников. Во Владимире мальчика усыновила семья сельского священника, и он получил имя Андрея Полисадова. Впоследствии стал архимандритом, настоятелем Благовещенского муромского собора на Посаде, крупным ученым, реставратором. Получил церковную фамилию — Вознесенский. Он занимался сравнительным стиховедением, искал общие корни в грузинских и русских словах, сам писал стихи. Именно в Муром, где Андрей Полисадов тогда служил архимандритом, при нашествии Наполеона из Москвы была эвакуирована древняя грузинская икона «Иверская Богоматерь» и стала предметом забот предка Андрея Вознесенского.

Грузию Вознесенскому подарил Борис Пастернак. «Грузинскую культуру я получил из его рук, — писал Андрей Андреевич. — Он собирал материал для романа о Грузии с героиней Ниной, периода первых христиан, когда поклонение богу Луны органически переходило в обряды новой культуры. Как чувственны и природны грузинские обряды! По преданию, святая Нина, чтобы изготовить первый крест, сложила крест-накрест две виноградные лозы и перевязала их своими длинными срезанными волосами. В нем самом пантеистическая культура ранней поры переходила в строгую духовность поздней культуры. Как и в жизни, эти две культуры соседствовали в нем. В его переписке с грузинской школьницей Чукой, дочкой Ладо Гудиашвили, просвечивает влюбленность, близость и доверие к ее миру».

Печально известная встреча в Кремле 7 марта 1963 года

В доме Пастернака Вознесенский познакомился с Грузией не только отвлеченно, но и непосредственно. Симон Чиковани стал первым поэтом, с которым Андрея познакомил Пастернак, и первым слушателем публичного чтения Вознесенским своих стихов, Иосиф Нонешвили – первым грузинским поэтом, которого Вознесенский перевел, а впоследствии – одним из самых близких его друзей.

Знакомство с Чиковани произошло в доме на Лаврушинском. «Меня поразил тайный огонь в этом тихом человеке со впалыми щеками над будничным двубортным пиджаком, – вспоминал Вознесенский. – Борис Леонидович восторженно гудел об его импрессионизме – впрочем, импрессионизм для него обозначал свое, им самим обозначенное понятие – туда входили и Шопен, и Верлен. Я глядел на двух влюбленных друг в друга артистов. Разговор между ними был порой непонятен мне – то была речь посвященных, служителей высокого ордена. Я присутствовал при таинстве, где грузинские имена и термины казались символами недоступного мне обряда. Потом он попросил меня читать стихи. Ах, эти рифмы детства... На звон трамваев, одурев, облокотились облака. «Одурев» – было явно из пастернаковского арсенала, но ему понравилось не это, а то, что облака – облокотились. В детских строчках он различил за звуковым – зрительное. Симон Иванович сжимал

тонкие бледные губы и, причмокивая языком, задержался на строке, в которой мелькнула девушка и где... к облакам мольбою вскинутый балкон. Таково было мое первое публичное обсуждение. Впервые кто-то третий присутствовал при его беседах со мною».

Именно Пастернак, «верный убиенным Паоло и Тициану», приобщил к переводам своего юного товарища. «Грузинские переводы Б. Пастернака были чем-то особым, сердечной близостью, внутренне ему необходимой. Их рождало не ремесленничество, не нужда, а художническая дружба, влюбленность в Грузию их рождала». Источником вдохновения для Андрея тоже стала дружба. И осталась ею навсегда.

В 1958 году Вознесенский впервые приезжает в Грузию. Он признавался, что Грузия ошеломила его. И – вдохновила. Самые первые его публикации – это стихи о Грузии и переводы с грузинского. Из трех десятков публикаций Вознесенского за 1958-1960 годы одна треть – это переводы из Нонешвили и стихи о Грузии, привезенные поэтом из его многочисленных поездок.

Андрей Вознесенский и Иосиф Нонешвили подружились, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. Их тесное общение не прерывалось вплоть до ухода Нонешвили из жизни в октябре 1980 года.

Прозаик, переводчик Гурам Гогиашвили вспоминал: «Впервые я встретил Андрея вместе

с Иосифом в 1960 году в Гори. Тогда Иосиф мне его представил как грузина. «Нет, сейчас он, конечно, русский. Но корни у него грузинские». Я, конечно, воспринял это как шутку Иосифа, для которого все самое лучшее непременно должно было быть связано с Грузией. Он был поистине посланником любви к Грузии в этом мире. Во всем и всегда он искал Сакартвело. Но в дороге и потом, в Тбилиси, Андрей сказал: «В Гори Иосиф правду сказал о моих грузинских корнях, и я обязательно напишу поэму о своем великом предке».

В печально знаменитом 1963-м Иосиф Нонешвили станет одним из немногих, кто поддержал попавшего в опалу Вознесенского.

7 марта 1963 года Никита Хрущев встретился с деятелями культуры, в числе которых было много молодых. Естественно, и Андрей Вознесенский.

Может быть, Хрущев и не накинусь бы на Вознесенского таким страшным и диким образом, если бы не дал интервью польскому журналисту, которое возмутило главную советскую польку Ванду Василевскую, жену украинского драматурга, академика А. Корнейчука. Свое возмущение она выразила именно на той встрече в Кремле. Хрущев (а это был человек моментальной реакции) немедленно вытащил на трибуну ошеломленного поэта.

Вознесенский произнес: «Как и мой любимый поэт, мой учитель, Владимир Маяковский, я – не член Коммунистической партии, но я...». Взбешенный Хрущев не дал ему закончить и заревел: «Это не доблесть, товарищ Вознесенский. Почему вы афишируете, что вы не член партии? А я горжусь тем, что я – член партии и умру членом партии! (Бурные аплодисменты пять минут.) (Передразнивает): – «Я не член партии». Сотрем! Сотрем! Он не член! Бороться так бороться! Мы можем бороться! У нас есть порох! Вы представляете наш народ или вы позорите наш народ?.. Я не могу спокойно слышать подхалимов наших врагов. Не могу! (Аплодисменты.) Я не могу слушать агентов. Вы скажете, что я

зажимаю? Я прежде всего Генеральный секретарь. Прежде всего я человек, прежде всего я гражданин Советского Союза! Я рабочий своего класса, я друг своего народа, я его боец и буду бороться против всякой нечисти!!! Мы создали условия, но это не значит, что мы создали условия для пропаганды антисоветчины!!! Мы никогда не дадим врагам воли. Никогда!!! Никогда!!! (Аплодисменты.) Ишь ты какой, понимаете! «Я не член партии!» Ишь ты какой! Он нам хочет какую-то партию беспартийных создать. Нет, ты – член партии. Только не той партии, в которой я состою. Товарищи, это вопрос борьбы исторической, поэтому здесь, знаете, либерализму нет места, господин

С Медеей Нонешвили

Иосиф Нонешвили

Вознесенский... Ишь ты какой Пастернак нашелся! Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал. Хотите завтра получить паспорт? Хотите?! И езжайте, езжайте к чертовой бабушке!.. Поезжайте, поезжайте туда!!! (Аплодисменты.) Хотите получить сегодня паспорт? Мы вам дадим сейчас же! Я скажу. Я это имею право сделать! И уезжайте!.. Ишь ты какой, понимаете!!! Думают, что Сталин умер, и, значит, все можно... Так вы,

значит... Да вы – рабы! Рабы! Потому что, если б вы не были рабами, вы бы так себя не вели. Как этот Эренбург говорит, что он сидел с запертым ртом, молчал, а как Сталин умер, так он разболтался. Нет, господа, не будет этого!!! (Аплодисменты.) ...Ты с нами или против нас? Другого пути у нас нет. Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. (Аплодисменты.) Никакой оттепели. Или лето, или мороз».

Случившееся было ужасно. Вознесенский сошел с трибуны под крики и улюлюканье, прошел по залу и вышел из Кремля. Кто-то положил ему на плечо руку. Это был Владимир Солоухин. «Мы не были с ним близки, да и потом редко встречались, – рассказывал Вознесенский, – но он подошел: «Пойдем ко мне. Чайку попьем. Зальем беду». Он почти силой увлек меня, не оставляя одного, всю ночь занимал своим собранием икон, пытаюсь заговорить нервы. Дома у него были только маслины. Наливая стопки, приговаривал: «Ведь это вся мощь страны стояла за ним – все ракеты, космос, армия. Все это на тебя обрушилось. А ты, былиночка, выстоял. Ну, ничего...»

Тут же, без промедления, в Москву прилетел Нонешвили. К тому времени он был очень авторитетной фигурой: возглавлял издательство «Сабчота Сакартвело» («Советская Грузия»),

на его пиджаке красовались орден Трудового Красного Знамени и медаль «За трудовую доблесть». На русский язык его стихи переводили такие признанные мастера, как Александр Межиров и Лев Озеров, но Нонешвили примчался в столицу для того, чтобы добиться публикации своих новых произведений именно в переводах Вознесенского. И это был, как вы понимаете, не столько творческий, сколько человеческий, дружеский поступок.

Воспоминания об одном из тех московских вечеров оставил Гурам Гогиашвили: «Так случилось, что весной 1963 года, точнее, в середине марта, я попал в Москву. В гостинице «Москва», где я остановился, жил Иосиф Нонешвили. Он приехал в связи с изданием своих новых стихов на русском языке. В один прекрасный день Иосиф пригласил меня к себе в номер. Гостеприимный хозяин накрыл для гостей грузинский стол: грузинские фрукты, кахетинское вино, чурчела, дедас пури, золотистый сыр гуда. Учитывая московский климат, Иосиф не забыл и про кахетинскую чачу. Гостей было трое – Михаил Луконин, Владимир Солоухин и совсем молодой Андрей Вознесенский. Грузинский поэт устроил эту трапезу для того, чтобы, насколько это было возможно, успокоить и подбодрить Андрея.

М. Поцхишвили, А. Вознесенский, Дж. Чарквиани, Ч. Амирэджиби

Исключительно с этой целью он и пригласил двух русских поэтов – известных друзей Грузии. Иосиф не обращался к Андрею по имени. Он называл его «чвенебури» («наш»), на что я тогда не обратил особого внимания... Спокойствие и ободрение молодому Вознесенскому действительно были необходимы – над ним нависла угроза быть выдворенным из страны. Иосиф Нонешвили взял под свое дружеское покровительство юного товарища, который был моложе его на 15 лет, и вскоре привез Вознесенского в Грузию как своего личного гостя».

Это был довольно смелый шаг в условиях хрущевского правления, когда по стране шли бесконечные собрания, на которых Вознесенского обсуждали, осуждали, требовали покаяться, в газетах и журналах печатались разносные статьи. Как свидетельствовал сам Вознесенский, один из поэтов, клеймивший его с трибуны собрания в Союзе писателей, потребовал для него высшей меры – как для изменни-

ка Родины.

Дошло до того, что издерганный, измученный поэт решил покончить с собой – застрелиться. Написал два предсмертных письма – генсеку Хрущеву и президенту Кеннеди. И пошел к Межирову – одолжить пистолет. «Дайте мне его на три часа. Меня шантажирует банда. Хочу попугать». Межиров был человеком проникательным. Он горестно вздохнул и сказал, что пистолет нашла жена и выбросила в речку. И тут Межиров проявил поистине необыкновенную прозорливость – он дал Вознесенскому совет: «Слетайте в Тбилиси к Нонешвили. Там за триста рэ можно купить пистолет».

Уж кто-то, а Межиров знал, что Нонешвили не только не даст Вознесенскому никаких пистолетов, но поддержит и отвлечет его, как никто другой.

Однако Андрей всерьез начинает занимать деньги – он твердо решил стреляться. И вдруг... Перед самым отлетом в Тбилиси раздался

звонок из журнала «Молодая гвардия»: «Старик, нам нужно поднять подписку. У тебя есть сенсация?» Сенсация у Вознесенского была – поэма «Оза», которую, естественно, никто не хотел публиковать. А тут – раз, и напечатали. «Держа свежий номер журнала, я думал, каким я мог быть кретином тогда», – напишет позже поэт...

В это же время особую роль в судьбе и Вознесенского, и всех шестидесятников сыграет уроженец Тбилиси – Марлен Хуциев.

В 1959 году Хуциев начал работу над фильмом «Застава Ильича». Знаменитая сцена поэтического вечера в Политехническом музее была снята, представьте себе, по предложению министра культуры Е. Фурцевой – она выделила дополнительные средства, чтобы этот эпизод (поначалу довольно скромный) расширили и пересняли. Но именно он и станет потом главным источником раздражения цензоров. После многочисленных правок фильм выйдет на экраны в 1965 году под названием «Мне двадцать лет». Выступления поэтов из него вырежут, но съемки в картине Хуциева все-таки имели свое судьбоносное значение – они положили начало традиции поэтических вечеров в Политехническом. А через год поэты пойдут выступать уже в переполненных Лужниках – такого не бывало нигде и никогда.

Кстати, Марлен Хуциев оказался «коллегой» Вознесенского – кампанию травли его картины тоже начал Хрущев, которого особенно разъярила сцена воображаемого разговора погибшего на войне отца и его сына. «И вы хотите, чтобы мы поверили в правдивость эпизода, когда отец не знает, что ответить сыну на вопрос «как жить?» – бесновался генсек. А ведь речь шла о сцене, в которой герой встречается с тенью отца и, действительно, спрашивает: «Как жить?» Отец спрашивает: «Тебе сколько лет?» – «Двадцать четыре». – «А мне двадцать один...»

Жизнь шла своим чередом. Слава Вознесенского росла. Он много печатается и высту-

пает. Каждый новый сборник становится событием и мгновенно раскупается. Он женится на писательнице и театральном критике Зое Богуславской. Спектаклем «Антимиры» начинается поэтический театр Юрия Любимова. Вознесенского восторженно принимают в Европе и Америке. А Грузия – день ото дня – только усиливала для поэта силу своего притяжения.

Вознесенский стал желанным и очень частым гостем в семье Иосифа и Медеи Нонешвили – как в Тбилиси, так и в Каданахи, где сейчас находится дом-музей Иосифа Нонешвили и где – как дорогие экспонаты – хранятся фотографии и личная переписка, повествующая о братской дружбе Андрея и Иосифа.

В дни идейно-политической непогоды Вознесенский всегда находил приют у Нонешвили. Он чувствовал себя в их семье в полной безопасности и спокойно ждал, пока распогодится.

Так случилось и в 1967 году. По совету одного доброжелательного критика на страницах «Литературной России» поэт опубликовал несколько стихотворений о Ленине под общим названием «Уоки-токи». В это время Хрущев уже ушел с политической арены. Но не исчезли борцы за идеологическую чистоту страны. Как это ни странно, в их число вошли и руководители центрального банка СССР, которые поняли в прямом смысле поэтические образы Вознесенского. Особенное возмущение вызвала строка «Уберите Ленина с денег», которая, по их мнению, призывала к крушению советской банковской системы. И снова Андрей был вынужден покинуть столицу. И снова отправился в Тбилиси, к Иосифу Нонешвили. И Грузия встретила его особенным образом – газета «Заря Востока» опубликовала стихотворение ... «Уберите Ленина с денег»!

Конечно, Вознесенский гораздо чаще приезжал в нашу страну по счастливым поводам, ведь Грузия вошла в жизнь и творчество поэта во всей своей полноте, во всем великолепии. И Андрей Андреевич бывал здесь ежегодно – выступал, писал, переводил, публиковался,

дружил, влюблялся, путешествовал, отдыхал...

Он принял драгоценную эстафету любви к Грузии из рук Бориса Пастернака и пронес ее через всю свою жизнь. По справедливому замечанию литературоведа, переводчика А.Н. Беставашивили, «вычленив из монолита творчества Андрея

Вознесенского «грузинскую тему» невозможно. Это все равно, что резать по живому. Когда он пишет о Грузии, всегда думает о России и, говоря о России, никогда не забывает Грузию. Это всегда тот же голос, та же мелодия, та же боль или радость».

ВЕРНЫЙ ДРУГ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

■ **Симон ЧИКОВАНИ**

Перевод с грузинского Г. Дарахвелидзе

Я познакомился с Николаем Заболоцким в ленинградском клубе писателей, на вечере грузинской поэзии. К тому времени уже были известны его первый нашумевший поэтический сборник «Столбцы» и поэма «Торжество земледелия». Вокруг поэмы в тогдашней литературной критике поднялась целая буря. Может быть, поэтому я представлял себе автора «Столбцов» человеком с подчеркнутой поэтической внешностью и ярким, даже властным характером. Каково же было наше удивление, мое и Тициана Табидзе, когда один наш старый знакомый представил нам молодого полного блондина, среднего роста, в очках, со спокойным и серьезным выражением лица и сказал: «Познакомьтесь, поэт Николай Заболоцкий». Я, изумленный, глядел на него, и мне казалось, что его внешности недостает поэтической убедительности. Но сам Заболоцкий неожиданно опроверг наше заранее сложившееся представление о нем. Он вежливо приветствовал нас и любезно произнес: «Я большой

поклонник грузинской поэзии. Правда, я лишь недавно начал изучать ее, но уже успел полюбить некоторых из грузинских поэтов»... Тот вечер в Ленинграде положил начало нашей близости, а год спустя в Минске, где мы встретились на пленуме Правления Союза писателей, наша дружба окончательно окрепла. Мой новый друг пригласил к себе в гостиницу Миколу Бажана, меня и нескольких московских товарищей. Он читал нам свои новые стихи – «Север», «Лодейников», «Осень», «Начало зимы», – которые всех нас привели в восхищение. И хотя поэт рисовал картины бескрайних северных просторов, я понял, что он может постичь и образы природы, воссозданные в грузинской поэзии. И я попросил его познакомиться с творчеством Важа Пшавела и попытаться перевести его поэмы. «Обязательно постараюсь, – ответил мне Николай Заболоцкий. – Я уже знаком с подстрочным переводом «Гостя и хозяина», он привел меня в восторг и смятение, но теперь я спешу закончить перевод стихов Григола Орбелиани». И он прочитал нам свой замечательный, теперь уже хорошо известный перевод «Заздравного тоста». Начиная с этого дня, между нами возникли самые тесные – дружеские и деловые – отношения.

По своей натуре он был настоящим русским человеком, бесконечно влюбленным в свою родину. С детства пленили его картины северной природы, нескончаемая снежная русская зима и резко обозначенное рождение северной весны. Но, несмотря на такой, вполне определенный склад души, он благодаря своим друзьям до конца понял и полюбил нравы и обычаи грузинского народа, великолепие грузинской природы и своеобразный, народный, благородный артистизм грузинского гостеприимства; он сам у себя дома с открытой душой и распростертыми объятиями встречал своих тбилисских друзей, с радостью затевал пир и строго придерживался правил грузинского стола.

Заболоцкий не говорил по-грузински, но умел читать и отлично чувствовал музыкальное

С. Чиковани и Н. Заболоцкий

звучание грузинского стиха. Он знал наизусть – на грузинском языке – целые строфы из Руставели, строки из «Давитиани» Гурамишвили. «Дидеба шенда, дидеба, сахит мзета мзео!» («Слава тебе, слава, солнцеликая!») – любил он повторять эти

строки Гурамишвили и тут же замечал, что в переводе невозможно сохранить величавую простоту и музыкальность этого стиха.

Последние пятнадцать лет своей жизни он посвятил переводу на русский язык лучших образцов грузинской поэзии и создал в этой области творчества немало несравненных шедевров.

Н. Заболоцкому принадлежат переводы поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сборника стихов Григола Орбелиани, поэм И. Чавчавадзе «Отшельник», «Видение», «Мать и сын», «Дмитрий Самопожертвователь» и нескольких его лирических стихотворений, поэм Важа Пшавела «Гоготур и Апшина», «Охотник», «Алуда Кетелаури», «Копала», «Раненый барс», «Этери», «Бахтриони», «Гость и хозяин», «Оленья лопатка», «Кровная месть», «Змееед»,

«Дзаглика Химикаури», «Гила и Квири» и до двадцати его лирических стихотворений, «Давитиани» Д. Гурамишвили и нескольких лирических жемчужин Акакия Церетели, а также целого ряда образцов грузинской народной поэзии.

Всю эту колоссальную работу, требующую не только большого таланта и вдохновения, но и большой жизненной энергии, физической силы, Заболоцкий проделал с присущим ему мастерством и обогатил русскую поэзию самобытными и яркими переводами.

Однажды в дружеской беседе он сказал мне: «Моя мечта – познакомить миллионы с грузинской поэзией». И действительно, он не жалел сил для выполнения этой благородной задачи. Имя его навеки связано с грузинской поэзией.

1958

СИМОН ЧИКОВАНИ

Перевод с грузинского Николая Заболоцкого

КАХЕТИНСКАЯ ОСЕНЬ

Уж осень. Природа своими дарами
Покрыла всю землю, и небо желтеет вдали.
Опять виноградные гроздья повисли над нами,
И жизнь засияла в пределах старинной земли.
А ветер баюкает нас и колышет листвою,
Колелет стога, укрепленные на деревьях.
Разноцветные тыквы лежат предо мною,
Лебединые шеи подняв.
Созрела природа. Исчез монотонный
Тоскующей зелени вид.
В глубокую думу орешник стоит погруженный,
В столетней давяльне работа кипит.
Туманы, с хребтов голубых низвергаясь рекою,
Наполнили горные чаши. А там,
Блестя багрецом, ярчайшей горя желтизною,
Как молнии, блещут кусты по холмам.
И движется солнце, как чудная повесть,
Остатки больших облаков, белея, влекутся за ним.
И, тяжело дыша, нас приветствует Осень
С арбами, со скрипом ворот, с виноградником тучным своим.
Мы знаем тот край. Во дворе мимоходом
Покажется женщина вдруг. Посмотри, как прекрасна она!
И все-то спешит она к разным домашним работам
И вечно семейной заботы полна.
Чаруя прохожих улыбкой веселья,
Не в силах она оторвать от мотора расширенных глаз.

А ветер летит и взрывает фонтаны деревьев,
И листья широким дождем упадают на нас.
Мы мчимся вперед. И, подобно реке Алазани,
Простерлась Кахетия вдаль, и конца незаметно садам.
Природа, пронзившая сердце поэта, лежит и взывает в молчанье
К дагестанским вершинам, к сияющим их куполам.
А солнце-бродяга мужает, взбирается выше и выше,
Идет, опираясь рукой на лучи-костыли.
Не раз еще волосы женщин дыханьем ветров заколышет,
Не раз еще листья взлетят от земли.
И цветом шафрана окрашена даль золотая.
Уж ясно, душа моя, – осень... Вверху над землей
Весь воздух звенит. И толпа облаков, проплывая,
Едва шелестит, за горой
Чуть слышно звенят колокольчики. То, окруженный стадами,
Должно быть, пастух возвращается с тучных долин.
И коршун парит над домами,
Как мастер полета и воздуха злой властелин.
И вдруг, заглушая хозяйственной осени гомон,
Мотор наполняет гудением двор и жилье.
И женщина тихо идет от ворот и уходит к балкону,
И как мухамбази, колышутся бедра ее.

ДОЖДЬ ИДЕТ

Помолчим. Этот дождь, он подслушает нас,
Он, пожалуй, другим кое-что перескажет.
Вон как за ворот льет он и хлещет сейчас!
Шелковица ветвями у берега машет.
Дождь летит по кварталам, не зная дорог,
Зонтик бьется по ветру, как мокрая птица.
То шумит ли на фабрике шелка станок
Или просто под ливнем шуршит шелковица?
В струйках влаги разносятся крики цыплят,
Дождь в Крцаниси пошел поливать огороды,
Он отхлещет в Самгори и, как говорят,
Через час на Руставские хлынет заводы.
Капли с тутовых веток текут да текут
Как ни бейся, его остановишь едва ли!
Может, сам он со мною расстанется тут?
Мы его за приятеля в детстве считали.
Я ловлю мою молодость в каплях дождя,
От него, чудотворца, мне хочется чуда.
Дай мне руку твою, дорогое дитя!
Правда, мы не поссорились нынче куда?
Видишь, горных хребтов затянулись верхи,
Дождь сегодня к иссохшей спустился долине.
Мы пасем этот дождь, мы его пастухи,
Мы примерные спутники ливням отныне.
Побежим-ка за ним! Над Самгорской землей
Он по-новому хлещет, не так, как бывало.
Он лишь возле Куры расстается со мной,
Но мечта уже крылья свои распластала.
То горох ли шумит иль звенит серебро?
В дождевую кольчугу Мтацминда одета.
Ничего, что на улицах нынче мокро, –
Дождь крестьянину друг, он приятель поэта.
Листья с тутовых веток поют да поют,
Колосится под ливнем самгорское поле.
Помолчим же и несколько светлых минут
Отдадим этой музыке капель, не боле.

Монастырь Джвари

Фото Серго Эдишерашвили

26 мая – День независимости Грузии
Фото Бадри ВАДАЧКОРИЯ